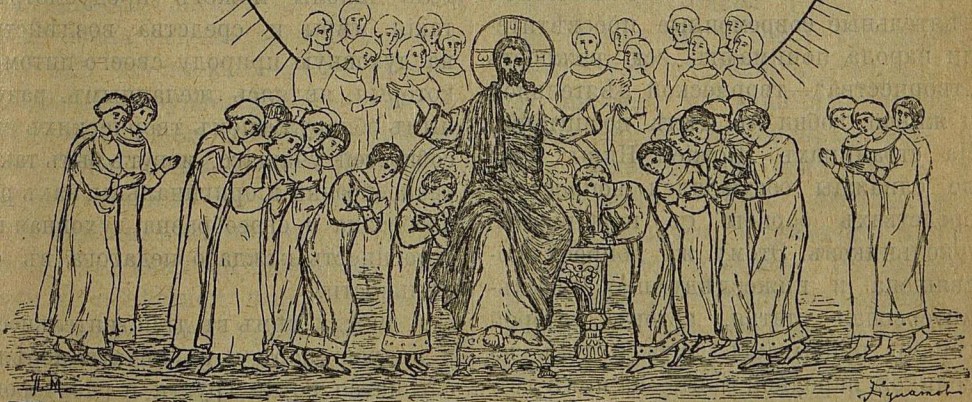
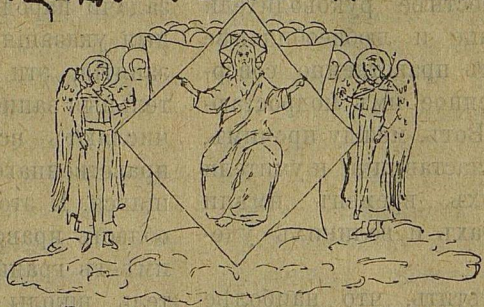

БОЖІА НИВА

СЕ ИЗЫДЕ СЪМЪ ДА СЪБЕТЪ.

ОСТАВИТЕ
ДѢТИ ПРИ
ХОДИТИ
КО МНѢ И
НЕ ВРАНИ
ТЕ ИМЪ.

АНГЛИ ИХЪ
НА НЕБѢХЪ
ВЫНОУ ВИ
ДАТЪ ЛИЦЕ
ОЦА МОЕГО
НЕБНАГО.

Троицкій Собесѣдникъ для церковно приходскихъ школъ.

ТВОРЧЕСТВО ВЪ ВОСПИТАНІИ.

(Къ вопросу о школьныхъ братствахъ).

Христіанская любовь неистощима въ своемъ проявленіи и безпредѣльна въ своемъ развитіи. И если истинная педагогика должна быть выраженіемъ этой любви, то понятно, что, движимый этою любовью, честный православно-русскій педагогъ никогда не ограничится однимъ формальнымъ исполненіемъ тѣхъ обязанностей, которыя возлагаетъ на него его служеб-

ный долгъ. Онъ несомнѣнно пойметъ, что дѣло воздѣйствія на душу ввѣренныхъ ему питомцевъ есть дѣло его „личнаго творчества“, которое, и только оно одно, можетъ дать жизненность и значеніе его просвѣтительной дѣятельности.

Что касается, въ частности, сущности этого педагогическаго „творчества“, то въ общемъ оно заключается

въ умѣнні подмѣчать всѣ отклоненія учащихся отъ правилъ нравственнаго благоповеденія и въ способности изыскивать наиболѣе пригодныя мѣры къ борьбѣ съ ненормальными явленіями въ жизни дѣтей. При этомъ понятно, что чѣмъ ревностнѣе руководители дѣтей, чѣмъ чище и любвеобильнѣе ихъ сердце, тѣмъ нравственно совершеннѣе и вѣренное имъ подростающее поколѣніе. Вотъ, между прочимъ, почему великіе наставники и учителя первохрістіанскихъ временъ имѣли въ своихъ школахъ и великихъ учениковъ...

И нужно замѣтить, что наиболѣе дѣятельные современные просвѣтители народа понимаютъ всю важность „творчества“—творческой дѣятельной и живой любви въ дѣлѣ воспитанія. На страницахъ „Божіей Нивы“ уже не однажды обсуждался вопросъ о средствахъ борьбы съ порочностію школьникова. Этому же вопросу посвящена и нижеслѣдующая небезинтересная статья, авторъ которой горячо призываетъ труженниковъ на великой народной нивѣ—на нивѣ дѣтскихъ сердець откликнуться и съ своей стороны помочь ему разрѣшить вопросъ о цѣлесообразности „школьныхъ братствъ“, какъ средствъ борьбы съ пороками школьникова... Не входя съ своей стороны въ подробный разборъ этой статьи, мы видимъ, однако, въ ней поводъ сдѣлать нѣсколько общихъ замѣчаній по вопросу о школьныхъ братствахъ и товарищескихъ кружкахъ, тѣмъ болѣе, что въ послѣднее время въ печати и обществѣ все сильнѣе и сильнѣе призываютъ къ учрежденію этихъ братскихъ кружковъ въ цѣляхъ улучшенія нравственности учащихся, при чемъ и здѣсь, какъ и во всѣхъ другихъ начинаніяхъ, дѣло

не обходится безъ увлеченія и крайностей... ¹⁾

И прежде всего—нѣсколько словъ по вопросу о соотвѣтствіи этихъ нравственно-просвѣтительныхъ организацій инструкціямъ, опредѣляющимъ задачи народныхъ школъ. Давая точныя указанія относительно программы занятія, эти инструкціи и объяснительныя записки обыкновенно не перечисляютъ всѣхъ мѣръ и средствъ нравственнаго воздѣйствія на учащихся. И это, разумѣется, потому, что область нравственнаго воздѣйствія не имѣетъ границъ. Опытный руководитель школы можетъ предусмотрѣть такія мѣры и средства воздѣйствія на духовную природу своего питомца, которыя, являясь желаннымъ, разумнымъ обнаруженіемъ творческихъ способностей учащаго, могутъ быть также разнообразны и оригинальны, какъ разнообразна и своеобразна духовная настроенность каждаго педагога въ отдѣльности...

А между тѣмъ въ дѣйствительности и въ разговорѣ и въ печати нерѣдко слышатея нотки грусти и разочарованія по поводу того, что то или другое товарищеское братство, тотъ или иной школьный кружокъ остался *неузаконеннымъ*. Эта по крайней мѣрѣ нотка слышится и въ статьѣ г. Уварова, когда онъ замѣчаетъ, что „школьный совѣтъ фактически“ предоставилъ ему „свободу дѣйствія въ предѣлахъ даннаго вопроса, но такъ сказать негласнымъ образомъ, ибо *официально* этотъ вопросъ не возбуждался и протокольнымъ постановленіемъ совѣта оформленъ не былъ“. Такою-же грустью звучатъ и его заключительныя слова по вопросу о судьбѣ основаннаго имъ „братскаго кружка“, который когда-

¹⁾ Разумѣемъ Неплюевское Трудовое братство.

то „окрылялъ его духъ“ и который по независимымъ отъ него обстоятельствамъ вынужденъ былъ прекратить свое существованіе...

Мы не знаемъ, какими мотивами руководился школьный совѣтъ, не представляя автору-педагогу *официально* правъ на открытіе братскаго кружка и не соглашаясь на проведеніе протокольнымъ постановленіемъ правилъ этого кружка. Но мы увѣрены, что даже и сознательное несочувствіе „братству“ не можетъ помѣшать проявленію любви къ учащимся. Вѣдь не однѣ предписанія и инструкціи даютъ жизненность благимъ начинаніямъ, а добрая воля исполнителей этихъ инструкцій. Что-же касается учрежденія школьныхъ кружковъ и братствъ, то здѣсь мы имѣемъ дѣло съ такою областію нравственнаго воздѣйствія, для которой именно нѣтъ и не можетъ быть никакихъ инструкцій и правилъ, потому что, какъ мы замѣтили, узаконить въ извѣстной школѣ тотъ или иной товарищескій кружокъ—это значитъ быть увѣреннымъ въ томъ, что будущіе продолжатели однажды начатаго дѣла будутъ дѣлать его съ такимъ-же рвеніемъ и любовью, съ какимъ начиналось оно тѣмъ или инымъ основателемъ братскаго или товарищескаго нравственно-просвѣтительнаго кружка. А такъ какъ въ этомъ нельзя быть увѣреннымъ—такъ какъ никогда нельзя надѣяться, что живое дѣло не превратится со временемъ въ одинъ лишній параграфъ обязательнаго постановленія, то руководители просвѣщенія, во имя любви къ дѣтямъ и своему дѣлу, и не должны поэтому претендовать на какое-то особое признание ихъ педагогическихъ приѣмовъ. Дѣло не въ формулахъ и не въ правилахъ и не въ узаконеніи тѣхъ или иныхъ обязательствъ, а въ любви, при

которой честный ревнитель просвѣщенія всегда съумѣетъ воздѣйствовать на учащихся...

Можно указать и иную точку зрѣнія, съ которой долженъ быть разсматриваемъ вопросъ о всешкольномъ нравственно-просвѣтительномъ братствѣ. Мы говоримъ о *задачѣ*, во имя которой создается то или другое братство. Таковою задачею является обыкновенно воспитаніе въ учащихся, съ одной стороны, взаимной любви, а съ другой,—отвращенія отъ господствующихъ пороковъ и навыковъ, каковы, на примѣръ, табакокуреніе, пьянство, божба, сквернословіе и др...

Многочисленная исторія хрістіанской Церкви уже не однажды отмѣчала такіе призывы къ взаимной любви и нравственному самоисправленію. Но та-же самая исторія отмѣчала и два разнородныя, рѣзко отличающіяся другъ отъ друга, направленія въ поискахъ за этой любовью... И человѣку хотя сколько нибудь знакомому съ общею исторіею Церкви хорошо извѣстны эти пути. Всѣмъ несомнѣнно извѣстны прославленные начала гуманизма, призывающаго любить *подобныхъ себѣ*. „Всѣмъ извѣстны и тѣ начала любви, о которыхъ проповѣдывали и проповѣдуютъ различные самозванные апостолы Христа, говорящіе о какой-то *отвлеченной любви*, для воспитанія которой не нужно ни православно-хрістіанской вѣры, ни святой Церкви, ни ея таинствъ... Правда, эти проповѣдники любви говорятъ иногда и о священствѣ и о таинствахъ и о церковности въ школахъ, но при всемъ томъ какъ-то инстинктивно чувствуется, что въ существѣ дѣла они очень мало дорожатъ этою церковностію и могутъ совершенно свободно обходиться и безъ нея“¹⁾. Извѣстенъ

¹⁾ См. о школьномъ братствѣ Н. Н. Неплю-

всѣмъ православно-русскимъ людямъ и другой путь къ проведенію въ жизнь началъ хрістіанской любви—это созиданіе любви на началахъ живой вѣры, безъ которой невозможно угодить Богу и которая мертва безъ духовнаго дѣланія, безъ спасительныхъ таинствъ и благодатныхъ установленій святой Церкви. При этомъ понятно, что только одна Церковь, „питая, укрѣпляя, возвращая и приводя въ возрастъ своими узаконеніями и обычаями“¹⁾ можетъ воспитать въ насъ начала всеобъемлющей, всепрощающей хрістіанской любви...

И если кому, то именно руководителямъ подрастающаго поколѣнія слѣдуетъ бояться вышеуказаннаго ложнаго пути въ дѣлѣ воспитанія своихъ питомцевъ. Жизнь въ Церкви—вотъ главная задача общепедагогической дѣятельности. Вотъ что замѣчаетъ, между прочимъ, по этому поводу пресвященный епископъ Теофанъ въ своемъ замѣчательномъ „Пути ко спасенію“: „все вниманіе тѣхъ, на коихъ лежитъ обязанность блюсти въ цѣлости дитя-хрістіанина, должно быть обращено на то, чтобы никакъ не допустить возобладать надъ нимъ грѣху... Здѣсь приложимы св. Тайны, за ними вся церковность; и съ ними вмѣстѣ вѣра и благочестіе родителей. Все сіе составитъ спасительную атмосферу. Всѣмъ симъ таинственно „наитсвуется“ благодатная жизнь... Все церковное чуднымъ образомъ възгрѣваетъ и питаетъ благодатную жизнь дитяти и всегда есть самая безопасная и не-

проницаемая ограда отъ покушенія невидимыхъ темныхъ силъ... Начавши такое устроеніе отъ колыбели, должно продолжать его уже потомъ и во все время воспитанія: и въ дѣтствѣ, и въ юношествѣ. *Церковь, церковность и св. Тайны—какъ скинія для дѣтей, подъ коей они должны быть неизменно.* Примѣры показываютъ, какъ это спасительно и многоплодно. Даже однимъ этимъ могутъ быть замѣнены, какъ и замѣняются не безъ успѣха, всѣ средства воспитанія. Древній способъ образованія въ этомъ преимущественно и состоялъ... Если въ такомъ порядкѣ воспитаніе челоуѣка съ первыхъ лѣтъ, то мало по малу будетъ разоблачаться предъ нимъ характеръ, какой должна имѣть его жизнь, больше будетъ вытекать онь къ мысли о томъ, что на немъ лежитъ обязанность отъ лица Бога и Спасителя нашего — жить и дѣйствовать по Его предписаніямъ“...

Съ этой точки зрѣнія — съ точки зрѣнія Церкви и церковности и должны быть первѣе всего разсматриваемы каждымъ педагогомъ всѣ его мѣры воздѣйствія на питомцевъ школы. Съ этой-же точки зрѣнія должно быть разсматриваемо и учрежденіе „товарищескихъ кружковъ“ и „школьныхъ братствъ“, при чемъ степень ихъ цѣнности будетъ, разумѣется, опредѣляться тою мѣрою, въ какой они помогаютъ проведенію въ жизнь школьничковъ началъ церковности. И эта точка зрѣнія тѣмъ необходимѣе, что Церковь, и только она одна, можетъ быть признана постоянною, наилучшею и неизмѣнною собирательницею всѣхъ питомцевъ, которые лучше, чѣмъ гдѣ-либо, могутъ объединяться въ ней и молитвенно поучаться въ хоровахъ пѣснопѣніяхъ, чтеніяхъ и общешкольныхъ назидательныхъ бесѣдахъ... Учитель-же — ревнитель дѣтской нрав-

ева въ Миссіонерскомъ Обозрѣніи за 1899 и 1900 гг.

¹⁾ Слова Григорія Нискаго. Та же мысль развивается и у другихъ отцовъ Церкви, которые видятъ въ Церкви и церковности наилучшее средство къ воспитанію любви и хрістіанскаго братства.

ственности—непостояненъ въ школѣ. Поэтому всякій учреждаемый имъ кружокъ или школьное братство надлежитъ прежде всего соединить съ интересами Церкви, по отношенію къ которой всякая школа должна быть ея притворомъ. Поэтому общехоровое пѣніе, чтеніе житій святыхъ, участіе въ качествѣ чтецовъ или служителей алтаря — все это должно, по нашему мнѣнію, войти, какъ мѣры поощренія, въ уставы школьныхъ кружковъ и братствъ, дабы участвующій въ кружкѣ или братствѣ выдѣлялся не только въ школьной семьѣ, но и въ храмѣ, близость къ которому, поощряя однихъ, должна вызывать законное соревнованіе въ дѣлѣ нравственнаго усовершенствованія и у другихъ... Понятно при этомъ, что сама собою здѣсь выясняется и необходимость участія въ организаціи кружка приходскаго священника.

А эти-то, между прочимъ, начала церковности и опускаются почти совершенно изъ виду при учрежденіи всешкольныхъ братствъ и товарищескихъ кружковъ... Недостаточно примѣнены эти начала и въ ниже приводимыхъ правилахъ братскаго кружка Кермисинской второклассной школы...

Кромѣ этихъ общихъ замѣчаній по вопросу о школьныхъ братствахъ и товарищескихъ нравственно-просвѣтительныхъ кружкахъ возможны и болѣе частныя замѣчанія. Здѣсь прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что при образованіи школьныхъ кружковъ нѣкоторые организаторы ихъ какъ будто

совершенно забываютъ о существованіи родителей учащихся: къ обсужденію различныхъ вопросовъ школьной жизни привлекаются обычно школьники, а отцамъ и матерямъ ихъ какъ будто и нѣтъ мѣста. А вѣдь между тѣмъ сляніе семьи со школою это одно изъ условій жизненности и самаго школьнаго дѣла, потому что разсудительные отцы и матери — все это помощники учителю, которые могутъ имѣть вліяніе на дѣтей, когда послѣдніе и не слышатъ наставническаго голоса. Въ видахъ этого, думается, необходимо въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ имѣется возможность, приглашать къ участію въ товарищескихъ братствахъ не только учащихся, но и ихъ родителей...

Не менѣе страннымъ представляется намъ также и то, что нѣкоторые организаторы братскихъ школьныхъ кружковъ почему-то находятъ возможнымъ и нужнымъ выдѣлять и рекомендовать въ своихъ правилахъ для особаго исполненія только лишь нѣкоторыя заповѣди закона Божія... Если школьныя братства имѣютъ въ виду совершенствованіе личной жизни учащихся, то, разумѣется, уставы школьныхъ братствъ должны все заботиться о проведеніи въ жизнь всѣхъ заповѣдей закона Божія и всѣхъ правилъ вѣры и христіанской жизни.... Два послѣднихъ замѣчанія также умѣстны до извѣстной степени и въ примѣненіи къ правиламъ братскаго школьнаго кружка Кермисинской второклассной школы.

Д. Введенскій.

НОВЫЙ ОПЫТЪ ВЪ СТАРОМЪ ДѢЛѢ.

(Изъ исторіи одного школьнаго братства).

I.

Настоящую замѣтку предлагаю благосклонному вниманію учащихъ въ церковныхъ школахъ, въ надеждѣ, что возбуждаемый ею вопросъ, путемъ совмѣстнаго и всесторонняго обсуждения на страницахъ уважаемаго журнала, будетъ рѣшенъ въ томъ или другомъ смыслѣ.

Учащимъ во второклассныхъ школахъ извѣстно по опыту, что сама школьная жизнь здѣсь выдвигаетъ зачастую такіе вопросы, ставить такія задачи, рѣшеніе коихъ требуетъ и нравственной чуткости, и психологической опытности, находчивости и такта. Въ рѣшеніи того или другого вопроса немудрено, поэтому, ошибиться, впасть въ крайность и вмѣсто предполагаемой пользы нанести воспитательному дѣлу непоправимый вредъ. Фактъ, о которомъ будетъ рассказано, имѣлъ мѣсто въ нашей Кермисинской второклассной школѣ, Тамбовской губерніи.

Въ началѣ 190½ учебнаго года въ нашу школу однимъ ученикомъ 1-го класса занесена была привычка плевать въ товарищѣ. Привычка эта стала распространяться, но на борьбу съ нею выступили сами же ученики. Нѣсколько мальчиковъ согласились штрафовать себя по одной копейкѣ за каждый плевокъ въ товарища. Такъ какъ въ составъ этого кружка вошли немногіе, и кружокъ не имѣлъ опредѣленныхъ правилъ, то успѣха не оказалось, и огорченные инициаторы обратились за помощью ко мнѣ. Я, въ шутку, написалъ уставъ этого оригинальнаго кружка „неплевальщиковъ“,

и чрезъ двѣ недѣли въ составъ его вошло до 50 учениковъ, а чрезъ мѣсяцъ отъ непристойной привычки осталось одно воспоминаніе.

Кружокъ „неплевальщиковъ“ заинтересовалъ болѣе взрослыхъ и развитыхъ учениковъ 3-го (учительскаго) отдѣленія. Нѣкоторые изъ нихъ стали просить меня образовать такой же кружокъ для борьбы съ другими привычками, каковы, напр., божба, насмѣшки надъ товарищами и пр. Просьбы эти я оставилъ безъ вниманія. Но дѣло оказалось болѣе серьезнымъ, чѣмъ можно было предполагать. Однажды (въ концѣ января 1902 г.) способный и очень развитой ученикъ 3-го отдѣленія 2-го класса Иванъ С. (нынѣ учителемъ ц.-приходской школы 3-го у.) принесъ мнѣ въ квартиру листъ исписанной бумаги и тотчасъ же удалился. Предо мною оказалось „воззваніе“ С. къ его товарищамъ. Въ своемъ воззваніи С. приглашалъ товарищѣ къ совмѣстной и дружной борьбѣ съ дурными привычками, каковыми онъ выставилъ божбу, непристойное веденіе себя предъ утреннею и вечернею молитвами и даваніе прозвищъ товарищамъ. Вотъ дословныя выписки изъ этого воззванія. „Любезные товарищи! если мы, съ помощію Божіею, насколько возможно для насъ, побѣдимъ эти привычки, то тѣмъ самымъ сдѣлаемъ добрый шагъ впередъ: это уже будетъ у насъ управленіе собою. Когда же мы придемъ въ совершенный возрастъ, то будемъ благословлять время, въ которое искоренили свои дурныя привычки... „Какая намъ будетъ польза въ нашемъ знаніи, если не будемъ имѣть хорошаго сердца? Хорошо-ли

было бы, если кто-нибудь изъ насъ на масленицу или на Пасху сталъ курить табакъ или пить вино, играть въ орлянку, въ карты? Какъ бы тогда стали смотрѣть на него его односельчане? Какого они были бы о школьничане? Конечно, не хорошаго... Каждый же изъ насъ долженъ внушить односельчанамъ любовь къ школѣ и уваженіе. Достигнуть этого можно только при томъ случаѣ, когда тутъ еще (въ школѣ) научимся укрощать свои дурныя привычки"... Затѣмъ С. приглашаетъ товарищей къ дружной борьбѣ съ привычками чрезъ учрежденіе особаго кружка, члены котораго за каждое нарушеніе кружковыхъ правилъ должны уплачивать опредѣленный *денежный штрафъ*. Въ заключеніе С. говорить: „я хотѣлъ было одинъ бороться съ своими дурными привычками, но одному несравненно труднѣе, поэтому я и обратился къ вамъ. Если насъ много, то мы будемъ помогать другъ другу, и тогда трудности такой не будутъ. Господи, помоги намъ!“..

Листъ этотъ былъ подписанъ С. и тремя его товарищами, выразившими тѣмъ самымъ полную солидарность со С. и согласіе на совмѣстную борьбу съ дурными привычками.

Предпріятіе С. и его товарищей привело меня въ глубокое смущеніе. Мы, учащіе, стояли предъ задачею несравненной важности; интересъ и жизненность ея невольно отодвигали на задній планъ обыденное наше учительское дѣло: учебники методики, программы, задаванье и спрашиванье уроковъ. Въ дѣтской душѣ, быть можетъ впервые, пробуждалось стремленіе къ нравственной чистотѣ и совершенству, и кто оправдалъ бы насъ, учащихся, если бы мы холодною и безучастіемъ своимъ оттолкнули отъ себя довѣрчивое дѣтское сердце? Нѣтъ,

нельзя, не должно было бѣжать отъ вопроса, поставленнаго самою жизнью. За нимъ стояли дѣти, они вправдѣ были искать у насъ нравственнаго руководства и поддержки, и наше уклоненіе свидѣтельствовало бы о собственной внутренней бесплодности и лицемѣри.

II.

Воззваніе С. я предложилъ обсужденію школьнаго Совѣта. Но здѣсь притти къ соглашенію не было никакой возможности. Въ концѣ концовъ школьный Совѣтъ фактически предоставилъ мнѣ свободу дѣйствія въ предѣлахъ даннаго вопроса, но такъ сказать—негласнымъ образомъ, ибо официально вопросъ этотъ не возбуждался и протокольнымъ постановленіемъ Совѣта оформленъ не былъ.

Идея С. и его товарищей—организация товарищескаго кружка для укрѣпленія воли въ борьбѣ съ дурными на-вычками и нравственнаго совершенствованія—поглотила все мое вниманіе, досугъ и силы. Чѣмъ болѣе углублялся я въ этотъ вопросъ, тѣмъ шире раздвигались его границы. Предносилась идея *всешкольнаго братства*, и не воображаемаго только, но дѣйствительнаго, реальнаго братства, построеннаго на тѣхъ же самыхъ §§ школьной инструкціи. Но *всешкольное братство*, какъ таковое, могло быть мыслимо лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ. Начавшись съ товарищескаго или братскаго кружка, какъ первоначальной стадіи, нравственное движеніе, подкрѣпляемое и направляемое учащими, должно было охватить всю школу, и тогда, объединивъ въ себѣ всѣхъ (или почти всѣхъ) учениковъ, братскій кружокъ eo ipso перешолъ бы во всешкольное братство.

Нельзя было упускать благоприят-

наго момента: сердца дѣтей были открыты доброму вліянiю, и, съ помощію Божією, я приступилъ къ организаціи Братскаго Кружка. При содѣйствіи С. и его товарищей, путемъ совмѣстныхъ обсужденій, удалось къ концу февраля выработать примѣрный *уставъ* этого кружка. Уставъ этотъ подвергался неоднократнымъ измѣненіямъ, поправкамъ, добавленіямъ и къ маю 1902 года явился въ слѣдующей формѣ:

I. Братскій Кружокъ воспитанниковъ Кермисинской второклассной школы имѣеть цѣлію постепенное и совмѣстное нравственное совершенствованіе братчиковъ путемъ искорененія дурныхъ наклонностей и привычекъ и замѣны ихъ навыками и привычками добрыми.

II. Къ поступленію въ Братскій Кружокъ приглашаются всѣ воспитанники школы, и когда всѣ они (или почти всѣ) дѣйствительно войдутъ въ этотъ Кружокъ, тогда онъ утрачиваетъ свое наименованіе и значеніе, и будетъ одно школьное братство, одна добрая семья учащихся, связанная взаимною любовію и сознательнымъ, ревностнымъ выполненіемъ правилъ школьной ин-струкціи.

III. Члены Кружка дѣлятся на дѣйствительныхъ или *братчиковъ* и *испытующихъ*.

IV. Въ разрядъ дѣйствительныхъ членовъ входятъ тѣ, кои *въ совѣсти своей дадутъ* твердое обязательство: 1) пристойно вести себя предъ утреннею и вечернею молитвами, 2) никогда не божиться, 3) всемѣрно избѣгать лжи и обмана, 4) не раздражать товарищей прозвищами, насмѣшками и приставаніями. Кромѣ того, братчики на все время, пока состоятъ учениками школы, *предъ Самимъ Господомъ Богомъ и совѣстію своею обѣщаются*: а) свято хранить 8-ую запо-

вѣдь Закона Божія; б) не играть въ орлянку, въ карты на деньги и во всѣ прочія игры на деньги; в) не курить табаку и г) не пить водки и пива (за исключеніемъ вина церковнаго во время причастія Св. Таинъ и вина по назначенію врача).

V. Члены — братчики, будучи связаны между собою однимъ общимъ стремленіемъ къ доброй пѣли и взаимною любовію, поддерживаютъ другъ друга въ исполненіи данныхъ ими обязательствъ. Если кто изъ братчиковъ сознательно и произвольно будетъ нарушать обѣщанія, то остальные убѣжденіями и просьбами стараются его исправить. Если убѣжденія ихъ не подѣйствуютъ, виновный отсылается къ о. завѣдующему школою, *какъ отцу духовному*, для увѣщанія и вразумленія. При дальнѣйшихъ и часто повторяющихся нарушеніяхъ виновный изъ разряда братчиковъ переводится въ разрядъ испытующихъ или совсѣмъ увольняется изъ Братскаго Кружка.

VI. Въ разрядъ испытующихъ принимаются искренно желающіе, съ помощію Божією и совмѣстно съ товарищами, поборать въ себѣ дурныя привычки. Задача испытующихъ заключается въ укрѣпленіи воли и развитіи навыка ослаблять и совсѣмъ искоренять свои дурныя привычки.

VII. Всѣ члены-братчики принимаютъ участіе въ совершенствованіи испытующихъ *и съ товарищескою любовію помогаютъ имъ бороться съ дурными навыками*. Испытуемые должны знать, что искренность и успѣшность ихъ борьбы съ привычками будутъ извѣстны братчикамъ, и что они, испытующие, тогда только будутъ приняты въ число братчиковъ, когда эти послѣдніе единогласно признаютъ ихъ *того достойными*.

VIII. Ежедневно, въ субботу вечеромъ, бываютъ собранія братчиковъ и испытуемыхъ. На эти собранія приглашаются и прочіе ученики школы.

Братчики должны были подписывать слѣдующее „обѣщаніе“:

„Мы, нижеподписавшіеся ученики Кермисинской второклассной школы, рѣшившись, съ помощію Божіею, освободиться отъ нѣкоторыхъ, распространенныхъ среди насъ, дурныхъ и непристойныхъ привычекъ и тѣмъ положить въ себѣ доброе начало для дальнѣйшаго нравственнаго совершенствованія, охотно и безъ всякаго совиѣ принужденія между собою согласились по совѣсти выполнять ниже слѣдующія обязательства:

1, предъ молитвами утреннею и вечернею отнюдь не дозволять себѣ *бѣготки и возни* съ товарищами, крика и смѣха, но, помня всю важность и отвѣтственность того великаго дѣла (молитвы), къ которому имѣешь приступить чрезъ нѣсколько минутъ, вести себя тихо, вдумчиво и благоговѣнно;

2, никогда и ни въ какомъ случаѣ не божиться, но истинность сказаннаго подтверждать словами: да или нѣтъ—и только;

3, всемѣрно избѣгать лжи, памятуя, что лжець есть сынъ самого діавола— „отца лжи“ (Іоан. 8, 44), а для сего отъ дней юности необходимо навыкнуть обсуждать не только дѣла, но и слова свои прежде, чѣмъ изошли они изъ усть, и затѣмъ уже, если говорить, то говорить только правду;

4, съ товарищами обходиться кротко, мягко и дружелюбно, отнюдь не раздражать ихъ приставаніемъ, прозвищами и насмѣшками, ибо всякое оскорбленіе, всякая злая насмѣшка мучительно терзаетъ душу обиженнаго. Каждый по собственному опыту знаетъ,

какъ тяжело переносить насмѣшки и оскорбленія, а потому—хорошо ли причинять ихъ другимъ?

Кромѣ того, отнынѣ и на все время, пока состоимъ учениками Кермисинской второклассной школы, предъ Самимъ Господомъ Богомъ и совѣстію своею обѣщаемся:

I, свято хранить 8-ую заповѣдь Закона Божія, т. е. не похищать у товарищей принадлежащихъ имъ вещей и денегъ, не забираться въ чужіе сады и огороды и пр. тому подобное. Чужая собственность да будетъ для насъ неприкосновенною святынею!..

II, не играть въ *орлянку*, въ карты на деньги и во всѣ вообще игры на деньги, каковыя влекутъ за собою напрасную трату времени и денегъ и причиняютъ вредъ здоровью;

III, обѣщаемся также во время лѣтнихъ каникулъ, святокъ, масленицы и св. Пасхи, никогда и ни въ какомъ случаѣ не отравлять себя куреніемъ табаку, въ томъ сознательномъ и твердомъ убѣжденіи, что табакокуреніе, какъ привычка, вводитъ въ напрасный денежный расходъ, разстраиваетъ здоровье, порабощаетъ душу и тѣмъ вредитъ хрістіанскому благочестію; всеобщая же распространенность этой пагубной привычки отнюдь ея не оправдываетъ и никоимъ образомъ не должна служить соблазномъ для юношей совѣтливыхъ и разумныхъ;

IV, обѣщаемся Тебѣ, Владыко Господи, всѣмъ произволеніемъ и всѣми силами своими избѣгать употребленія водки, разныхъ винъ и пива (за исключеніемъ вина церковнаго во время причастія Св. Таинъ и вина по назначенію врача); обѣщаемся—какъ огня или какъ ядовитой гадины бѣжать „первой рюмки“, вѣдая, что за „первою“ непременно послѣдуютъ и вторая и третья, и что „первая рюмка“

есть первый шагъ къ вѣрной, неминуемой гибели. Ей, Господи Иисусе, укрѣпи насъ силою Твоею, помоги намъ!..

III.

На первыхъ порахъ существованія Кружка братчики ограничивались лишь обязательствами въ совѣсти, и уже затѣмъ, по мѣрѣ подготовленности ихъ и уясненія ими всей важности и силы обѣтовъ, въ составъ „Общанія“ исподволь вводились и эти послѣдніе. Со дня открытія Кружка я завелъ дневникъ, въ который аккуратно заносилъ все, относящееся къ дѣлу Кружка. Изъ этого дневника считаю нужнымъ сдѣлать нижеслѣдующія выписки.

5 марта. Сегодня состоялось открытіе Кружка. На вечерней перемиѣнѣ пригласилъ въ классъ всѣхъ учениковъ 3-го (учит.) отдѣленія и въ рѣчи къ нимъ высказалъ, что честь образованія Кружка принадлежитъ имъ самимъ. Затѣмъ прочиталъ уставъ Кружка и „Общаніе“ и приступилъ къ принятію братчиковъ и записи испытуемыхъ. Въ заключеніе я обратился къ собранію съ убѣдительнымъ словомъ, прося всѣхъ отнестись къ предпринятому дѣлу съ величайшимъ вниманіемъ и страхомъ, — братчиковъ, чтобы они отнюдь не превозносились своимъ исключительнымъ предъ товарищами положеніемъ, — всѣхъ остальныхъ, чтобы они, сердцемъ убѣдившись въ значеніи и пользѣ Кружка, сами примкнули бы къ нему и уже во всякомъ случаѣ — никогда и ни подъ какимъ видомъ не дозволяли себѣ насмѣшекъ и глумленія надъ братчиками. Благое дѣло задумано и начато нами... Господи, помоги же намъ, дай намъ силу, крѣпость и неослабѣвающую энергію въ этомъ трудномъ дѣлѣ!..

9 марта. Сегодня состоялось первое собраніе нашего Кружка. Послѣ всеобщей пригласилъ въ свою квартиру С. и прочихъ братчиковъ. Помолвившись на икону, тихо и чинно заняли мѣста за столомъ... Прежде всего сказалъ нѣсколько словъ о значеніи братскихъ собраній: они должны объединять насъ, дѣлать единокорными и стойкими въ трудномъ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія. Успѣхъ получится только тогда, когда между нами будутъ взаимная любовь, чистосердечіе, откровенность; слабые пусть открываютъ свою слабость, болѣе сильные постараются ихъ поддержать и ободрить. Затѣмъ обсуждалось, кого изъ испытуемыхъ можно принять въ число братчиковъ. Послѣ я прочиталъ первое слово Еп. Теофана „о молитвѣ“. Необыкновенная задушевность и простота этого поученія плѣнили моихъ слушателей. Читаніемъ означеннаго слова собраніе и закончилось. Помолвившись и поцѣловавшись другъ съ другомъ и со мною, братчики мирно разошлись.

11 марта. Въ свободное время продолжаю читать ученикамъ изданія Александро-Невскаго Общества трезвости. Нѣкоторые рассказы трогаютъ ихъ буквально до слезъ. Обнаруживается значительный спросъ на книги и брошюры противоалкоголическаго содержанія. Особенною популярностью среди учениковъ пользуются „Жертвы пьянства“. — На дняхъ ученики 2-го класса принесли мнѣ списокъ нѣкоторыхъ изданій А.-Невскаго Общ. трезвости, каковыя они пожелали приобрести за свой собственный счетъ.

16 марта. Состоялось второе собраніе братчиковъ. Открылось оно общимъ пѣніемъ молитвы Св. Духу. Затѣмъ, по общему рѣшенію, четверо испытуемыхъ приняты въ число брат-

чиковъ. Послѣ этого бесѣдовали о томъ, что для успѣха въ дѣлѣ нравственнаго совершенствованія на стражѣ каждаго должна стоять чистая, чуткая совѣсть и страхъ Божій — „начало премудрости“ (Притч. 9, 10) и основа всякой хрістіанской добродѣтели. Братчики были серьезны и сосредоточенно-внимательны... Но, сердце дѣтское чуткое, осталось ли ты удовлетвореннымъ, запало-ли въ тебя хотя одно зернышко слова Божія? Какъ знать... Да и намъ ли рѣшать подобные вопросы?!.. Господи, помоги мнѣ, слабому и грѣшному, не остави дѣла Твоего!.. Тобою только дѣйственно оно будетъ, безъ Тебя же — ничто...

20 марта. Братскій Кружокъ заинтересовалъ всю школу и производитъ на учениковъ замѣтное и сильное впечатлѣніе. И. Д. П. (учитель) какъ-то выразился про нашихъ ребятъ, что они ходятъ „точно въ воду опущенные“. Это преувеличено, но доля правды есть. Несомнѣнно, что въ душѣ нѣкоторыхъ

изъ испытуемыхъ, самыхъ рѣзкихъ, шаловливыхъ и уже основательно знакомыхъ съ табакомъ, орлянкою и пр., началась таинственная внутренняя работа, поворотъ къ лучшему. Опасаются, какъ бы дѣти не утратили совѣсьмъ своей естественной живости, не состарились преждевременно. Напрасное опасеніе! Самонаблюденіе и самообузданіе есть начала хрістіанскаго аскетизма, и если ни одного *строжайшаго аскета* они не лишили свойственной его темпераменту живости и впечатлительности, то, положенныя въ основу воспитанія дѣтей, они освободятъ ихъ лишь отъ необузданной рѣзвости и необдуманности въ поступкахъ и сдѣлаютъ ихъ болѣе вдумчивыми, осмотрительными и кроткими. Чѣмъ скорѣе начнется въ ребенкѣ самонаблюденіе, тѣмъ лучше. *Правда, здѣсь можетъ получиться и крайность, но кто любитъ и понимаетъ дѣтей, тотъ ея не допуститъ...*

А. Уваровъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

Изъ учительскихъ дневниковъ.

Два крестьянина.

.....Вамъ много говорятъ про воспитаніе ваше, а вотъ какое нибудь этакое, прекрасное, святое воспоминаніе, сохраненное съ дѣтства, можетъ быть, самое лучшее воспитаніе и есть. И если много набрать такихъ воспоминаній съ собою въ жизнь, то спасенъ человѣкъ на всю жизнь“...

Достоевскій.

И.
Прѣзжая домой на каникулы, я часто бывалъ у одного изъ своихъ односельцевъ, Тихона, — человѣка богобоязненнаго, набожнаго и начитаннаго. Придетъ, бывало, воскре-

сенъе, — и бѣжишь къ нему въ хату... Вся въ зелени, чистенькая, бѣленькая, — она привѣтливо выглядывала на улицу своими наивными оконцами и высокой соломенной крышей, — и всякій разъ мнѣ легче и отраднѣе

становилось, когда я входилъ въ этотъ милый крестьянскій дворикъ, весь застроенный службами и заваленный различною крестьянскою рухлядью...

У Тихона былъ еще цѣлый сундукъ церковныхъ и вообще душеспасительныхъ книгъ. Бывая въ Кіевѣ, въ Почаевѣ и на ближайшихъ „отпустахъ“, онъ не упускалъ случая обогатить свою бібліотеку какимъ нибудь новымъ изданіемъ. Читалъ онъ какъ-то благоговѣнно, съ тихою, умиленною радостью сердечною... Въ свободное время къ нему въ хату собирались сосѣди-крестьяне, любители душеспасительнаго чтенія,—и долго изъ открытаго окна его хаты несло въ улицу села простое одушевленное пѣніе псалмовъ и ровное, однообразно—тихое чтеніе...

Лица были глубоко — серьезны и вдумчивы; чувствовалось, что сюда собрались не для развлеченія, а съ глубокой и неискоренимой жаждой взаимнаго братскаго поученія... Я невольно переносился мыслію къ первымъ вѣкамъ хрістіанства, въ угрюмыя подземелья катакомбъ, гдѣ робко таились отъ насмѣшливаго языческаго взгляда высокое хрістіанское чувство, святая хрістіанская мысль, восторженное до экстаза моленіе...

Тихонъ любилъ почитать и о сельскомъ хозяйствѣ; онъ выписывалъ „Сельскій вѣстникъ“,—и лучшія сельско-хозяйственныя статьи этого журнала зачитывались до дыръ, до полнѣйшей истрепанности... Тихонъ зналъ цѣну навоза, сѣялъ на своемъ огородѣ и частью въ полѣ клеверъ, старался примѣнить къ своему хозяйству правильныи сѣвообмѣнъ, и уже доходилъ до убѣжденія, что нынѣшняя трехпольная система сельскаго крестьянскаго хозяйства несовременна и убыточна... „Вѣдь огородъ родитъ

ежегодно, — и родитъ далеко лучше поля; значитъ и поле можно за сѣвать цѣпликомъ“, — часто говаривалъ онъ своимъ сосѣдямъ... Къ спиртнымъ напиткамъ и къ пьянству Тихонъ питалъ непреодолимое отвращеніе — безбоязненно укорялъ пьяницъ въ потворствѣ похотямъ тѣла, если случалось... Благодаря своей трезвой трудовой жизни, Тихонъ пользовался достаткомъ и почти никогда не чувствовалъ нужды въ насущномъ хлѣбѣ.

И Тихона уважали не только крестьяне: онъ былъ почетнымъ гостемъ и у батюшки, и у псаломщика, и у сельскаго старосты... Неподкупная честность Тихона вошла въ пословицу:—„что ты съ Тихономъ побратался, что-ли?“—глумились надъ человекомъ, который ни въ чемъ не хотѣлъ кривить совѣстью, сельскіе кулаки—міроѣды...

Выбрали Тихона въ члены волостнаго суда. Известно — тутъ часто играетъ роль мелкій подкупъ, кумовство, сватовство и проч.; но съ вступленіемъ Тихона въ свою должность многое здѣсь измѣнилось. И бѣдные крестьяне свободнѣе вздохнули, чувствуя въ немъ нравственную поддержку... Часто мы подолгу бесѣдовали съ Тихономъ. Предметами нашихъ бесѣдъ служили преимущественно вопросы души и религіи,—и я не разъ удивлялся глубокимъ религіознымъ знаніямъ своего собесѣдника. Онъ почти дословно помнилъ всѣ проповѣди мѣстнаго сельскаго батюшки, зналъ наизусть множество житій святыхъ,—и весь сладостно замиралъ, слушая любезное его сердцу евангельское назиданіе...

Возлѣ его хаты, въ вишневомъ садикѣ, гдѣ всегда было такъ тихо и прохладно,—стояла небольшая пасѣка, состоявшая всего изъ нѣсколькихъ

ульевъ — дуплянокъ... Въ ясную погоду здѣсь слышалось жужжанье пчелокъ—работницъ и пахло медомъ...

„Люблю я пчелокъ Божіихъ“,—часто говаривалъ Тихонъ.—„Пчелка весь вѣкъ свой трудится—и не ждетъ награды. А изъ ея воску челоуѣкъ свѣчку сдѣлаетъ, — и заплачетъ она чистыми восковыми слезами, въ церкви Божіей, передъ ликами угодниковъ!.. Есть и люди—пчелки... Давно уже, лѣтъ тридцать тому назадъ, былъ у насъ дьячокъ—учитель. Раньше, въ старыя времена, въ школахъ дьячки учили,—брали по корбованцу съ каждаго школяра за зиму да кое-что натурою... Мало теперь такихъ учителей—праведниковъ... Бывало, сидимъ мы съ нимъ въ школѣ, наскучить зубрить склады,—мы и просимъ: „Михаилъ Ивановичъ! — Почитайте намъ житіе!“... Очень онъ любилъ душеспасительное чтеніе; и хотъ часто выпивалъ старикъ, но мы, малыя дѣти, прощали ему эту слабость за его доброе сердце да за чтеніе житій Господнихъ праведниковъ. Бывало—читаетъ и плачетъ, и мы съ нимъ плачемъ... А читалъ онъ какъ-то душевно, жалостно—таково... Я былъ моложе всѣхъ въ школѣ, но и у меня сердце переворачивалось, глядя на учителя и слушая его слезное, умиленное чтеніе... Казалось—въ немъ онъ изливалъ всю свою душу предъ Господомъ, въ немъ онъ сокрушенно каялся въ чемъ-то, о чемъ-то трепетно просилъ Господа... И полюбили мы, малыя дѣти, крѣпко полюбили кроткими сердцами слово Божіе и Церковь святую.—И никто не водилъ, никто не гналъ насъ въ церковь: какъ материнской ласки, какъ луча солнечнаго, ранняго, ждали мы церковнаго благовѣста,—и быстро сѣменили наши дѣтскія ножонки по направленію къ церкви. А тамъ стоялъ

уже нашъ Михаилъ Ивановичъ и радостно разливался по церкви его славословящій, молитвенный голосъ, проникая въ сердца и души молящихся“...

Такъ рассказывалъ Тихонъ про своего стараго учителя, — и умиленную благодарностью къ нему свѣтилось доброе лицо крестьянина...

II.

Было ясное апрѣльское утро. Такъ и тянуло на роскошный просторъ благоуханныхъ полей, залитыхъ молодымъ, горячимъ свѣтомъ, солнца, обвѣянныхъ бодрящимъ запахомъ свѣжей зелени, вольно раскинувшихся подъ высокимъ и ласковымъ небомъ, свѣтлымъ и чистымъ, какъ глазки ребенка... Изъ села несся радостный пасхальный трезвонъ,—и серебряные звуки колоколовъ, точно купаюсь въ хрустально-чистыхъ волнахъ хрустальнаго моря, торжественнымъ гимномъ любви и правды носились надъ окрестностью...

Я шелъ по узкой дорожкѣ между зелеными и весь отдавался охватившему меня радостному чувству жизни... На пути я столкнулся съ молодымъ парнемъ въ шляпѣ и городскомъ пиджакѣ, задумчиво шагавшимъ мнѣ навстрѣчу.

Поровнявшись со мной, парень медленно поднялъ голову и остановился.

— А! — вдругъ воскликнулъ онъ оживленно.—Мое вамъ почтеніе! Куда такъ двигаетесь?

— Гуляю вотъ... Да вы кто собственно будете?

— Не узнали?!—А вѣдь вмѣстѣ раковъ ловили, огурцы въ огородахъ крали!..

Я съ недоумѣніемъ взглянулъ въ оживленное лицо собесѣдника. Что-то знакомое неуловимо тѣнью воспоминанія чудилось мнѣ въ немъ; но это

знакомое тайлось подь толстымъ сло- емъ чего-то чуждаго, наноснаго,—и я лишь случайно, по темнымъ догадкамъ, спросилъ:

— Кажется—Мильень? (Емельянь).

— Онъ самый и есть... А я васъ тотъ-часъ-же призналъ. Обрадовался, знаете: думаю,—не кутнемъ-ли мы съ вами по городскому?

— Докторъ запретилъ мнѣ упот- реблять спиртные напитки; мнѣ вредно...

— Такъ не пьете?—Тэ-эксъ... А чѣмъ же вы теперь занимаетесь?

— Учителствую, деревенскихъ ре- бятъ просвѣщаю...

— Н-да-съ! — И много за это де- негъ лупите?

Въ тонѣ Мильена послышалась скры- тая насмѣшка.

— Пустое это дѣло—учительство,— небрежно правоучительнымъ тономъ заговорилъ онъ. Мужикъ грамота, какъ свинѣ вѣнокъ. Отъ грамоты мужикъ ябедникомъ, грубіяномъ дѣлается...

— Вы сами, должно быть, грамотны?

— Учился немного въ заводской школѣ, да бросилъ: учитель больно дрался... Такъ кутнемъ, что-ли?—пред- ложилъ Мильень опять.

Я вновь отказался...

— Эхъ, вы деревенщина! — уже съ явнымъ пренебреженіемъ заговорилъ мой собесѣдникъ. Попали-бы вы къ намъ, въ заводъ,—скоро-бы свое сми- ренство бросили... Вотъ гдѣ настоя- щая жизнь!..—И Мильень началъ одно изъ тѣхъ описаній, которыя можно услышать только отъ глубоко-развра- щеннаго фабричною жизнью крестъ- янина.

— Давно вы на заводъ попали?

— Да лѣтъ восьми, если не меньше. Дядя мой служить тамъ котегаромъ. У него своихъ дѣтей нѣтъ,—вотъ онъ меня заместо сына взялъ... У матери,

вы знаете—цѣлая куча дѣтей, малъ мала меньше,—она и не перечила... Вы тогда уже въ школу бѣгали, да на клиросѣ пѣли... Дорогое то было время!—Вспомнишь иногда,—и жаль станетъ... А все-таки теперь лучше мнѣ живется. Спервоначалу только трудно было: все, бывало, корятъ меня товарищи—заводскіе ребята: „мужикъ неотесанный! дубина! Медвѣдь! Ни „обхожденіевъ“, ни „манеровъ“ на- стоящихъ ты не имѣешь! Деревен- щина!“...—Просто безъ ножа рѣзали, треклятые!—Ну, извѣстно—потомъ об- терпѣлся...

— А къ намъ-то вы какъ попали? Вѣдь N—скій заводъ не близко!..

Мильень плутовато улыбнулся.

— Надѣялся, знаете, деньжатъ раз- добыть у родныхъ; да на этотъ счетъ они и сами того... туги! Только у мамы нѣсколько рублей въцыганилъ...

— Послѣднія, должно быть, отдала? кольнулъ я собесѣдника.—Сама безъ хлѣба сидитъ, а сыну и горя мало!..

— Ну, я не школьникъ вамъ,—вы меня учить не смѣете!—сурово вос- кликнулъ Мильень, уходя поспѣшно...

— Такъ выпьемъ, а?—полунасмѣш- ливо, полувыжидательно добавилъ онъ, отходя немного и оглядываясь.

Я ему не отвѣтилъ.

Идя дальше и раздумывая надъ словами и личностью Мильена, я вспомнилъ происходившее въ то-же утро обхожденіе вокругъ церкви. Былъ третій день праздника... Читалось еван- геліе... Тихо и умиленно, какъ спѣ- лья колосья на нивѣ, стибались ру- ссы крестьянскія головы, шепча мо- литву; свѣтлой радостью, чистымъ сокрушеніемъ дышали простыя, доб- рья лица, глаза глядѣли какъ - то внутрь—молитвенно и строго... Легкій вѣтерокъ развѣвалъ хоругви, игралъ разноцвѣтнымъ ковромъ платковъ и

лентъ, наполняя грудь ароматомъ цвѣтовъ, весенней свѣжести и зелени... Солнце ярко играло на золотомъ переплетѣ Евангелія, на шитыхъ золотомъ ризахъ, на яблокахъ крестовъ и хоругвей, проникая въ душу лучами тепла и свѣта... Всѣ были безмолвны и глубоко—счастливы, — одна только мурая физиономія выглядывала изъ толпы, внося диссонансъ въ чудную картину: то былъ Мильень. — Онъ стоялъ, небрежно подпершись руками и полунасмѣшливо, полувывышающе глядѣлъ на всѣхъ своими наглыми, ничего не выражающими глазами... — Даже и та святая минута, полная та-

кой захватывающей, невыразимой поэзіи, не трогала его!.. Знать мало вынесъ несчастный Мильень изъ своего дѣтства тѣхъ святыхъ впечатлѣній, о которыхъ говоритъ Достоевскій, и они не спасли его отъ трактирной цивилизаціи.

Возвращаясь домой и проходя мимо „монополии“, я замѣтилъ въ толпѣ Мильена: онъ усиленно жестикулировалъ, рассказывая что-то собравшейся вокругъ него молодежи...

„Просвѣщаетъ, должно быть“... — подумалъ я съ горечью...

Учитель *Стефанъ Нозубовскій.*

Листки изъ дневника учителя-крестьянина ¹⁾.

26 Октября. Сегодня межъ утрени и обѣдни собрались въ школу нѣсколько человѣкъ прихожанъ.

Я взялъ книгу „Катихизическія поученія“ и началъ читать имъ о Молитвѣ Господней, причемъ сперва прочелъ эту молитву повнятнѣе, объяснилъ ея происхожденіе и началъ читать ея объясненіе.

Прихожане слушали со вниманіемъ. По окончаніи чтенія, одинъ изъ стариковъ сказалъ:

— „А, вѣдь, вотъ мы, къ примѣру, молитву-ту эту читаемъ совсѣмъ не такъ-то.“

— „А какъже, дѣдушка?“ полюбопытствовалъ я.

— „Да, вотъ какъ,“ и словохотливый старина началъ:

— „Очи жиси на небеси, да свѣтится имя Твое, да придетъ царство Твое, да будетъ воля Твоя, яко на небеси и на земли; хлѣбъ насъ нашушнымъ дажнымъ мѣстѣ, и остави намъ долги наши, якажа и мы оставляемъ

должникамъ нашимъ и не веди насъ въ искушенія, на избави насъ отъ лукаваго“.

— „Нѣтъ, дѣдушка, ты прочиталъ не правильно, а нужно читать эту молитву именно такъ, какъ я прочиталъ“, сказалъ я старику.

— „Э-эх! милый мой“, со вздохомъ отвѣтилъ онъ: „я и самъ знаю, что неправильно, да ничего не подѣлаешь: наше дѣло неграмотное, темное. Оно, можетъ, и грѣхъ читать такъ-то, но, можетъ, Господь проститъ насъ грѣшныхъ. Гдѣ намъ было научиться? Вѣдь „тогда“ (въ старину), милый, училищевъ-то не было: бывало какъ отецъ или дѣдушка читаетъ молитвы-ти, такъ и ты съ малыхъ лѣтъ привыкаешь, а теперь уже не переломишь себя. Нынѣ ишь вонъ какая благодать-то; вотъ она какая, кормилица, выстроена: учись, у кого есть охота! Благо—ученье-то даровое, а „тогда“ этого не было, учиться было не гдѣ. Рѣдкіе и по-моему-то могли прочитать, а то были и такіе люди (всѣ

¹⁾ Продолженіе. См. съ № 8 по 22.

теперь умерли, царство имъ Небесное), которые и этакъ-то читать не умѣли. Бывало, крестятся, кланяются, да со вздохомъ твердятъ только одно: „Господи, помилуй, Господи, спаси и сохрани, будь милостивъ къ намъ грѣшнымъ“, и то, я думаю, Богъ принималъ ихъ молитвы. Добрые старички были, простые, настоящіе старички... Нынѣ мало уже такихъ-то осталось; кое-гдѣ нѣшто встрѣтишь... Рубахи были эти люди, душа на распашку... Другъ друга уважали, сосѣдъ сосѣда любили, а не то, что родные родныхъ. Нынѣ же поглядишь—совсѣмъ не то: тамъ отецъ съ сыномъ подрался, тутъ братъ съ братомъ чуть не до ножа дошелъ, тамъ сноха съ свекровью таскается за волосы, тутъ мужъ ушелъ отъ жены на чужу дальнюю сторону, покинувъ маленькихъ дѣтей на произволь судьбы, тамъ жена убѣжала отъ мужа въ городъ въ стряпки... А испытай ихъ: всѣ грамотные вѣдь, всѣ знаютъ и молитвы-то истово прочитать и растолковать кое-что, потому ученые, а на дѣлѣ-то показываютъ себя хуже насъ грѣшныхъ — неученыхъ.“

Эти слова старика покоробили меня: я подумалъ, что старина виною всему этому нежелательному и печальному явленію въ жизни современныхъ крестьянъ ставить народное просвѣщеніе и рѣшилъ вызвать его на откровенность.

— „Что же, дѣдушка“, сказала я: „ужели ты думаешь, что грамотность да ученье вредъ приносятъ людямъ и дѣлаютъ ихъ непочтительными къ ближнимъ, старшимъ и роднымъ, ужели грамотность виновата въ томъ, что люди ссорятся, дерутся, да бросаютъ своихъ дѣтей и женъ на произволь судьбы?“

Но старикъ живо запротестовалъ:

— „Что ты, дорогой, что ты! Сохрани Господи меня такъ думать. Развѣ я не понимаю? Грамотность тутъ не при чемъ. Она необходима нашему брату какъ холодная вода въ страдную пору, какъ проливной дождикъ въ засуху, только я хотѣлъ высказать тебѣ то, что грамотностью да наукою наши мужички пользоваться то не умѣютъ. Умѣй они ею пользоваться, она бы искоренила всѣ эти наши дурачкіе обычаи, да, искоренила, а не то что“...

— „Какъ-же это такъ, дѣдушка, не умѣютъ мужички пользоваться грамотностью? Мнѣ это что-то не понятно“, спросилъ я старика.

— „Я тѣ, пожалуй, разъясню, какъ могу. Видишь ли: всѣ, вѣдь, изъ мужиковъ понимаютъ, что школа имъ необходима, необходима, какъ фонарь въ темнукъ ночь, потому что въ школѣ учатъ всему хорошему, полезному: и молитвы, и ваянгель (Евангеліе), и псалтырь читать и всякія книжки, и въ церковь ходить, пѣить (пѣть) тамъ, учатъ снимать ребятокъ шапченки передъ старшими да кланяться, да мало-ли чему ты здѣсь учишь хорошему, развѣ все-то перечислишь! Вотъ это все и понимаютъ мужички, сознаютъ и хвалятъ учителя и „училищу“ за это, а сами-то тебя не поддерживаютъ, не помогаютъ тебѣ въ этомъ добромъ дѣлѣ, даже мѣшаютъ да препятствуютъ тебѣ по своей слабости да глупости: ты, напримѣръ, строго наказываешь дѣтямъ беречься отъ гнилыхъ словъ, а отцы ихъ дома изо рта не выносятъ эту скверность: лошадь оборвала поводъ или поломала плетень — матерно, корова вошла въ огородъ — матерно, крюкъ не ладно косить или соха неловко пашеть, опять матерно... И все это прямо при дѣтяхъ, безъ стѣсненія отцы-то изры-

гаютъ. А мальченокъ ужъ навѣрно думаетъ: „коль тятка ругается, значить не больно грѣшно“, и слѣдуетъ его примѣру, идетъ по отцовской дорогѣ. Ты учишь дѣтей въ церковь ходить, а отцамъ ихъ туда и травушка не рости: они бывають въ церкви отъ Покрова до Покрова, т. е., въ годъ разъ—однова. А ужъ разъ отецъ не прилежень къ храму Божьему, то и отъ сына ждать нечего: одного поля ягодка. Да еще что! Лѣтомъ, напр., чуть зорька займется, отецъ будить уже своего малыша: Васюкъ, вставай, нынѣ воскресенье, работать до обѣда не будемъ, такъ ѣзжай-ка лошадку паси въ Рябиновый оврагъ, вонъ такіе-то, да такіе ребятишки увели уже лошадей-то“. И вотъ, вмѣсто того, чтобы послать парнишку въ церковь Божью, къ службѣ святой, отецъ усылаетъ его въ оврагъ, а самъ заваливается спать въ сѣнницѣ, не то идетъ къ сосѣду въ ворота лясы точить съ такими же, какъ и самъ; оттого то у насъ въ церкви лѣтомъ и бываетъ прихожанъ-то по пяти, да по шести человекъ. А ты бы поглядѣлъ, что ребятишки дѣлають во время заутрени и обѣдни на караулѣ лошадей въ полѣ: пакость одна. Срамъ говорить. Все что творится мерзкаго на селѣ, на посидѣлкахъ, на свадьбахъ—все это рассказывается, представляется ребятишками, да съ такими размазанными добавленіями, что и выдумать трудно. А все отъ взрослыхъ слышать, отъ своихъ отцовъ, братьевъ, дядей и сосѣдей, особенно такихъ, которые побывали на сторонѣ и нахватались тамъ разныхъ шутокъ, прибаутокъ, да пошлыхъ рассказовъ, чѣмъ начинаютъ и дѣтей.

„А ты говоришь, что грамотность я виню. Нѣтъ, грамотность не виновата, грѣхъ непростительный будетъ тому,

кто считаетъ её вредною и бесполезною: она, говорю, полезна и необходима намъ да только, говорю, мы ею пользоваться не умѣемъ, сами виноваты. Ребятокъ, которыхъ ты наставляешь на все полезное и поучительное, мы сами соблазняемъ своими дурными примѣрами и сталкиваемъ съ праваго пути и этимъ прямо таки мѣшаемъ и препятствуемъ тебѣ въ добромъ и хорошемъ дѣлѣ. Да, что говорить! Лучше про все это скажу я тебѣ „причтой“ (притчей): ты трудишься, строишь хорошей домъ для насъ по единому кирпичику, строишь одинъ—одинешенекъ, а разрушають его у тебя сотни человекъ изъ тѣхъ-же глухихъ людей, для которыхъ строится этотъ домъ. Вотъ почему я говорю грамотность долго не можетъ исцѣлить и пересилить недуговъ „нашего брата темнаго мужичка“. Потомъ словохотливый старичекъ подошелъ ближе ко мнѣ, постукалъ меня по плечу, да и говорить: „А еще вотъ что я тебѣ скажу: вини—вини нашего брата-мужичка въ томъ, что онъ и то-то, и то-то не хорошо дѣлаетъ, да и обмолся (оговорись): вѣдь и у мужичка - сѣрячка, темнаго, непросвѣщеннаго есть не мало соблазнительей. Эти соблазнительи—люди образованные, ученые, но только невѣрующіе ни во что святое и божеское. Тебѣ ужъ неча говорить, это ты и самъ знаешь побольше, чѣмъ я. Такъ вотъ эти то „пакостные“ люди и сбиваютъ нашего брата, начинаютъ его разными вредными для души ученіями, да баснями. Нашъ братъ—темнота, конечно, и вѣритъ иногда этимъ господамъ, и эту пагубную вѣру показываетъ и на словахъ и на дѣлахъ, снимая примѣръ съ тѣхъ, кто его учитъ. Поэтому нѣтъ ничего и диковиннаго, если доведется слы-

шать отъ мужичковъ такой разговоръ, такія рѣчи:

— „Кумъ, а кумъ! Я слышаль, что Бога то нѣтъ, вѣдь!“

— „Вона? Отъ кого?“

— „Да вотъ отъ Митрія Миколаевича, или тамъ отъ Ляксандра Ликсѣвича.“

— „Отъ Ляксандра Ликсѣвича? Вонъ-что. Вѣдь онъ человѣкъ-то, кажись, ученый, а говоритъ такъ-то несуразно.“

— „Вотъ въ томъ-то и дѣло-то, что ученый. Отъ неученаго я бы и слушать-то не сталъ, потому неученый самъ ничего не знаетъ, а этотъ башка во-какая! Наверстеть (университетъ) прошел“, и дальше слѣдуетъ разъясненіе того, на какомъ основаніи „башка“ учить, что Бога нѣтъ. Другой мужичекъ—„кумъ“ слушаетъ и тоже заражается невѣріемъ, а потомъ оба начинаютъ показывать свое невѣріе и на дѣлахъ: въ церковь не ходятъ, молиться Богу перестаютъ, снимаютъ съ себя кресты, выносятъ изъ хатъ иконы, постовъ не соблюдаютъ,—однимъ словомъ, становятся чистыми бусурманами, а не то что...“

— „Дѣдушка, да кто же это такіе Димитрій Николаевичи, да Александры Алексѣевичи?“ спросилъ я старика.

— „И ты можешь быть ими и вонъ... (тутъ старикъ назвалъ вѣскольکو интеллигентныхъ лицъ, проживающихъ въ Абашевѣ)... На хорошее то учить насъ людей мало находится, а на плохое-то найдутся много... Есть даже и изъ вашего брата, учителей, такіе, которые и начальство-то свое обманываютъ: его пошлютъ учить хорошему, разумному, да законному, а онъ чепуху мелеть и тѣмъ другихъ соблазняетъ, да еще малыхъ дѣтей... А этикіе учителя есть. Вотъ, когда я былъ помоложе, то ходилъ работать на Волгу и тамъ довелось мнѣ наняться къ

одному старому престарому помѣщику. Этотъ помѣщикъ былъ человѣкъ въ-рующій, въ храмъ Божій ходилъ усердно, молился истово, посты соблюдалъ, въ среду и пятницу скоромнаго не ѣлъ, вообще былъ истинный хрістіанинъ и душой и тѣломъ. У него же былъ сынокъ, молоденькій такой, только что окончилъ ученіе въ „наверстеть“. Ну, тотъ не въ отца, видно и яблочко отъ яблони далеко иногда падаетъ, да... Бывало, лишь заблаговѣстятъ къ заутрени въ праздничный день, онъ, какъ на грѣхъ, прости Господи, прикажетъ скипятить самоваръ, сядетъ къ окну, беретъ гитару и—раздѣлываетъ: „Эхъ вы, Сашки, канашки мои!“ или еще, что смѣшное, а самъ хохочетъ... На селѣ же звонъ такъ и льется, такъ и льется... Что же? Душу инда воротить отъ продѣлокъ молодого барина! А одинъ разъ косили мы сѣно на берегу Волги и растрясали, что-бъ оно скорѣе сохло. День былъ жаркій. Вдругъ поднялся вѣтеръ, нагналъ тучъ, и собралась страшная гроза. Баричъ былъ съ нами. Насъ же, бурлаковъ, было человѣкъ тридцать. Какъ только линулъ дождь, мы попрятались кто куда успѣлъ: кто подъ наскоро набросанную копну, кто подъ кусты, кто просто зипунишкомъ укрылся... Одинъ молодой баринъ никуда не спрятался: ходитъ онъ подъ дождемъ, да страшно ругается на этотъ дождь: „не во время, говорить, ты пустился“, а самъ все матерно... Вокругъ же молнія такъ и палитъ, такъ и палитъ, а громъ-то хряснетъ, хряснетъ, земля инда дрожить...

— „Баринъ, не ругайся, убьетъ тебя громъ-то“, послышался изъ-подъ куста голосъ одного изъ бурлаковъ.

— „Убьетъ? Боюсь я грома!“ захвалился баринъ и еще хуже началъ ругаться, да такія ввертываль сло-

вечки, что у насъ морозъ по кожѣ пробѣгалъ, и волоса дыбомъ становились... Когда гроза прошла, мы поѣхали обратно домой, потому сѣно косить баринъ больше не далъ. Ёдемъ. Вдругъ встрѣчается намъ тоже молодой человекъ, но такъ же, какъ и нашъ баринъ, весь мокрый отъ дождя, за плечами ружье, одѣтъ не по мужицки. Только поравнялся онъ съ нами, нашъ баринъ—прыгъ съ дрожекъ къ встрѣчному, протягиваетъ руку и говоритъ: „И тебя, учитель, намочилъ дождь-то“.

— „И меня, туда его суда“... И вслѣдъ за тѣмъ встрѣчный тоже началъ ругать грозу начемъ свѣтъ стогитъ за то, что она ему и охоту-то испортила, и намочила всего, и порохъ съ пистонами подмочила.

— „Кто это такой?“ спросилъ я тамошняго мужичка, который работалъ вмѣстѣ съ нами.

— „Это, говорить, нашъ сельскій учитель“.

— „Что-жъ онъ и дѣтей учить вашихъ грозу ругать такъ-то?“ говорю.

— „А то чего добраго-то отъ него:

они съ этимъ вотъ бариномъ, говорить, на одну колодку плетены: слышишь, что говорятъ?“

Я только руками развелъ... И „двистительно“, чего хорошаго ждать нашимъ дѣткамъ отъ такихъ учителей? Его по словамъ видно, что онъ безбожникъ, чему же онъ можетъ научить хорошему. Э, ребята, трезвонять уже: пора намъ въ церковь“, сказалъ старичекъ и направился къ двери; за нимъ послѣдовали прочіе, и школа вскорѣ опустѣла. Придя отъ обѣдни, я долго размышлялъ о словахъ дѣдушки, и нашелъ въ нихъ много вѣрнаго и неопровержимаго. Главное я нашелъ въ нихъ отвѣтъ на вопросъ: почему просвѣщеніе не можетъ долго пересилить нравственныхъ недуговъ крестьянства? Потому-что: „горе міру отъ соблазнъ и горе тому человеку, имъ же соблазнъ приходитъ“. А соблазнителей и есть и будетъ всегда несмѣтное число. Соблазны и соблазнители есть главная причина тому, что грамотность и ученіе долго не могутъ пересилить нравственныхъ недуговъ нашего народа.

Учитель *Е. Нуликовъ*.

(Продолженіе слѣдуетъ).

УЧИТЕЛЬНИЦА ¹⁾.

Зима. За дальнею горою
 Давно погасъ короткій день
 И ночь покрыла темнотою
 Село и избы деревень;
 Все небо обложили тучи,

Отъ вѣтра дрогнулъ лѣсъ дремучій
 И, поднимая снѣжный прахъ,
 Завыла вьюга на поляхъ.

Потомъ, полна какой-то злобы,
 Она помчалась вдоль села,
 Вездѣ насыпала сугробы
 И всѣ тропинки замела,
 Солому съ крышъ заворотила
 И вдругъ, какъ звѣрь, въ трубѣ за-
 выла...

¹⁾ Стихотвореніе это написано десять лѣтъ тому назадъ и первоначально напечатано было въ Ярославскихъ Епарх. Вѣдомостяхъ и въ отдѣльной книжкѣ стихотвореній автора; здѣсь оно помѣщается въ значительно переработанномъ видѣ.

Но не нарушили этот вой
Спокойный сонъ земли родной.

—
Въ селѣ давно все крѣпко спали,
И только въ низенькомъ дому
У церкви окна проливали
Едва замѣтный свѣтъ во тьму.
Тамъ огонекъ горитъ въ лампадкѣ,
А возлѣ печки, на кроваткѣ
При лампѣ дѣвушка сидитъ
И въ книжку пристально глядитъ.

—
Тамъ — въ книгѣ радость, жизнь
иная...

А здѣсь — и тѣсно и темно,
И только ночь одна глухая
Глядитъ въ убогое окно,
Глядитъ на столикъ у кушетки,
На двѣ не новыхъ табуретки,
Истертый коврикъ на полу
И печь огромную въ углу...

—
Часы уходятъ; вьюга злится.
Чу, сторожъ полночь бьетъ въ селѣ, —
Пора бы дѣвушкѣ ложиться, —
Ужъ лампа гаснетъ на столѣ.
И вотъ она читать отстала,
Не торопясь съ постели встала
И, предъ иконою склонясь,
Святой молитвѣ отдалась.

—
Потомъ, подальше отставляя,
Задула лампу и легла...
Но кто же, кто она такая?
И что ей раньше жизнь дала? —
Досталась трудная ей доля:
Служить учительницей въ школѣ,
И вотъ ужъ третій годъ идетъ,
Какъ здѣсь, въ селѣ, она живетъ.

—
И раньше жизнь не улыбалась
И мало счастья ей дала.
Двухъ лѣтъ сироткою осталась
И у родныхъ она жила,
Потомъ въ училищѣ училась,
А, кончивъ курсъ, поторопилась

Скорѣй на мѣсто поступить, —
Своимъ трудомъ на свѣтѣ жить.

—
Хотѣлось ей и потрудиться
Для бѣдняковъ въ родной глуши
И съ ними дружно подѣлиться
Богатствомъ собственной души.
Не мало было ожиданья
Пока исполнилось желанье,
Но вотъ — назначена она
И въ дальній путь спѣшитъ одна.

—
Путь конченъ, — дѣвушка въ се-
леню,
Гдѣ трудъ ее тяжелый ждетъ...
Старикъ — священникъ съ уваженъ-
емъ

Ее встрѣчаетъ и ведетъ...
Куда же? Въ старую сторожку,
Въ которой только три окошка,
Худыя стѣны, ветхій полъ
И вмѣсто партъ убогій столъ.

— „Ну, вотъ и школа вамъ“, —
устало

Ей старичекъ проговорилъ.
„Плоха... Что-жъ дѣлать?.. Я не мало
И самъ здоровья здѣсь убилъ.
Сегодня я пришлю кудели
Пазы забить, а съ той недѣли
Ребятокъ можно приводить
Да понемножку и учить.“

—
Скажу вамъ прямо, — холодненько
У насъ бываетъ иногда,
А поздней осенью сыренько...
Да и зачѣмъ вы шли сюда?..“
— „А что-же?“ — дѣвушка сказала.
„Я сирота“... И замолчала,
Скорѣй закрывъ рукой глаза,
Въ которыхъ искрилась слеза.

— „Такъ сирота вы? — понимаю“...
Священникъ голову склонилъ
И на дырявый полъ, мигая,
Слезу невольно уронилъ;

Но, побѣдивъ свое волненье,
Онъ сиротинкѣ въ утѣшенье
Сказалъ: „Зачѣмъ же унывать,—
Я всѣмъ вамъ буду помогать“.

И вотъ съ тѣхъ поръ моя бѣдняжка
Живетъ въ училищѣ одна;
Сперва ей было очень тяжело
И часто плакала она,
Потомъ къ терпѣнью приучилась,
Съ учениками подружилась
И, полюбивъ ихъ всей душой,
Нашла въ нихъ радость и покой.

Теперь, лишь только утромъ солнце
Зарю за церковью зажжетъ
И броситъ лучъ въ ея оконце,—
Она заботливо встаетъ
И вскорѣ—бодрая, живая—
Къ ученикамъ выходитъ, зная,
Что много съ ними ей труда,
Зато и весело всегда.

Уча, она позабываетъ
О жизни сѣренькой своей,
О томъ, что бѣдность притѣсняетъ
И не даетъ покою ей,
О неудачахъ, оскорбленьяхъ,
Невзгодахъ разныхъ, притѣсненьяхъ,
О всѣхъ бѣдахъ того пути,
Которымъ ей пришлось идти.

И что ей горе, трудъ тяжелый,—
Когда такъ кротко каждый разъ
Слѣдятъ за ней подъ кровлей школы
Десятки свѣтлыхъ дѣтскихъ глазъ
И ловятъ рѣчь ея пытливо,
И улыбаются счастливо,
Когда такъ свято вѣрятъ ей
Душою чистою своею?!

Что ей тревоги, что волненья,—
Когда благія сѣмена
Путемъ нелегкаго ученья
Она въ дѣтей вложить должна,
На добрый путь ихъ всѣхъ поста-
вить,
Привычки грубыя исправить,
Всю жизнь кругомъ пересоздать
И бѣднымъ людямъ счастье дать?!

Такъ вотъ кто здѣсь, въ избуш-
кѣ скромной,
Спокойно спитъ во тьмѣ ночной,—
Здѣсь спитъ свѣтильникъ жизни
Темной,
Надежда стороны родной!
Спи мирно, горькихъ сновъ не зная,
И вѣрь: придетъ пора иная,
Оцѣнитъ подвигъ твой народъ
И защититъ отъ всѣхъ невзгодъ!

Свящ. А. Державинъ.

ПОСТЫ И ВХОДЫ.

(Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ).

XXVII.

Новый образецъ Архипастырскаго надзора за школами. — Архипастырское „спасибо“ и не-
удовольствіе. — Достойныя похвалы Полтавскія школы. — Завѣщаніе дѣтямъ Полтавскаго
Святителя.

Дрекасный примѣръ Харьковскаго ар-
хипастыря, нашедшаго возможнымъ и
необходимымъ ввести церковно-школь-
ное дѣло въ кругъ предметовъ попе-
ченія членовъ благочинническаго епар-

хіальнаго сѣзда,—не единственный въ
числѣ мѣръ, коими архипастыри наши мо-
гутъ съ видимымъ успѣхомъ и пользою
воздѣйствовать на церковно-школьное дѣло
епархіи. Другой подобный и столь же

симпатичный примѣръ подалъ недавно—къ глубочайшему сожалѣнію уже почившій—Полтавскій преосвященный Иларіонъ, заявившій себя съ давнихъ поръ своею отмынною любовію и ревностію къ церковной школь.

Весьма обстоятельно и умѣло составленный докладъ Полтавскаго епархіальнаго наблюдателя школъ преосвященному подвергнутъ со стороны послѣдняго самому тщательному обсужденію, и съ помѣтками по сторонамъ—по распоряженію владыки—преданъ гласности на страницахъ Епархіальныхъ Вѣдомостей. Такимъ образомъ, то, для чего въ Харьковѣ нужно было воспользоваться съѣздомъ благочинныхъ цѣлой епархіи, это самое съ наименьшимъ успѣхомъ оказалось доступнымъ и кабинетному труду епархіальнаго владыки Полтавы. Конечно, непосредственное общеніе съ представителями школьныхъ работниковъ имѣеть всѣ выгоды и преимущества живого обсужденія вопросовъ школьнаго дѣла; но надо имѣть здѣсь въ виду и большія безпокойства, хлопоты и другія трудности съѣздовъ, дѣлающія почтенный примѣръ Харьковскаго преосвященнаго не для всѣхъ доступнымъ къ подражанію, хотя и болѣе дѣйствительнымъ для успѣховъ школьнаго дѣла.

Мы приведемъ любопытнѣйшія изъ отѣтокъ Полтавскаго преосвященнаго на поляхъ наблюдательскаго отчета, касающіяся не только свѣтлыхъ, но и темныхъ сторонъ школьной жизни, нескриваніе которыхъ — одно изъ важнѣйшихъ условий успѣшности такого важнаго дѣла.

Противъ сообщенія доклада о женской школь въ м. *Слободкѣ*, устроенной *заботами священника Т. Щербаня*, жена котораго сама занималась въ школь за болѣзнію учительницы, преосвященный сдѣлалъ помѣтку: „*благодарю!*“ Сколько вниманія и теплоты въ этомъ краткомъ простомъ словѣ, которое иногда вливаетъ энергію въ безкорыстныхъ тружениковъ

такого св. дѣла гораздо болѣе всякихъ награды и отличій, носящихъ казенный, сухой, безжизненный характеръ. Подобныхъ душевно-теплыхъ чувствъ владыки много излито и по другимъ мѣстамъ отчета. Въ одномъ мѣстѣ онъ благодарить о. діакона за безкорыстное, безъ всякаго вознагражденія, завѣдываніе складомъ руководѣльныхъ матеріаловъ при женской школь; въ другомъ поощряетъ новую учительницу Н. Леусову, весьма усердную и опытную, которая съумѣла сразу твердо поставить занятія по всѣмъ главнымъ предметамъ школы (помѣтка: „утѣшительно; душевно благодарю!“); въ третьемъ — благодарить о. діакона за своевременное, во время эпидеміи, принятіе мѣръ къ прививкѣ дѣтямъ оспы; въ четвертомъ — радуется и благодарить цѣлый причтъ прихода — священника, діакона и псаломщика, которые примѣрно - дружнымъ усиліемъ сдѣлали свою школу „прекрасною“; въ пятомъ мѣстѣ благословляетъ доброжелателя и почитателя школы (д-ра Богаевского) за вниманіе и помощь къ школь; благодарить и благословляетъ законоучителя близко принимаемой къ сердцу, вполне хорошо обставленной школы, въ числѣ 30 учащихся которой 9 безпоповцевъ.

Въ посадѣ *Крюковѣ* заслужила вниманія и душевной благодарности прекрасно обставленная Покровская школа, со 161 учащимися (изъ нихъ 57 дѣвочекъ), при 2 учителяхъ, 3 учительницахъ и особомъ учителѣ пѣнія. Значительная часть этого вниманія и благодарности пала на долю весьма усердной и опытной учительницы средняго отдѣленія, Елены Клепачевской, въ *замужествѣ* Филипповой (наглядное опроверженіе предубѣжденія противъ замужнихъ учительницъ).

Всякія неисправности и упущенія въ школь привлекали на себя вниманіе и замѣчанія святителя. На сообщеніе о томъ, что женская школа въ с. *Казенная Кривая Руда* содержится *грязновато*, Пре-

освященный замѣчаетъ: *стыдно учительницамъ*. По поводу извѣстія о небрежномъ содержаніи бібліотеки въ школѣ с. *Степановки*, гдѣ книги не имѣли переплетовъ и *истрепаны до негодности*, книги же въ переплетѣ *изгрызены мышами*, преосвященный пишетъ: *какая небрежность со стороны священника и учительницы!* Еще болѣе грустное впечатлѣніе производится школою с. *Крупскаго*, законоучитель которой, священникъ И. Адамовичъ, заявилъ себя страннымъ равнодушіемъ къ школѣ и ея питомцамъ. Свое нерадіе къ преподаванію Закона Божія онъ не умѣлъ оправдать иначе, какъ огульнымъ заявленіемъ, что дѣти „крайне тупы и потому ничего не знаютъ“. Молитвъ дѣти младшаго отдѣленія не учили, а священникъ пояснилъ, что это и „недоступно для первогодниковъ“. Утреннія и вечерняя молитвы въ школѣ совсѣмъ не читаются. Священникъ объяснилъ это такъ: „неудобно заниматься еще чтеніемъ молитвъ,—слишкомъ много времени уходитъ на это“... Понятна послѣ этого глубокая скорбь архипастыря, съ какою онъ долженъ былъ отмѣтить это ненормальное явленіе въ школьномъ мірѣ. „Очень грустно такое холодное отношеніе къ школѣ священника Адамовича“—замѣтилъ онъ. И далѣе, противъ объясненія въ упущеніи молитвъ: „еще хуже говорить о себѣ священникъ Адамовичъ“...

Обращаясь къ свѣтлымъ примѣрамъ школъ, съ особеннымъ удовольствіемъ останавливаемся на *Благовѣщенской* школѣ г. *Лохвицы*. Школа живетъ и дѣйствуетъ въ своемъ новомъ домѣ, гдѣ все чистенько и устроено по всѣмъ указаніямъ опыта, чтобы имѣть образцовый характеръ. Все здѣсь отмѣнно,—начиная съ нумерованныхъ вѣшалокъ и умывальника въ передней, и кончая ящикомъ съ чернильными принадлежностями въ классномъ шкафу... Какъ школьныя принадлежности, такъ и школьные порядки имѣютъ здѣсь отлич-

ный характеръ. Здѣсь наилучшія отношенія взаимнаго уваженія и расположенности, какъ со стороны руководителей, такъ и со стороны руководимыхъ въ учебномъ дѣлѣ. Школа удостоилась высшей похвалы преосвященнаго владыки въ его словахъ: „отрадно слышать такіе отзывы о школахъ. Выражаю мою душевную благодарность всѣмъ исполняющимъ Божіе и Царево дѣло“.

Нѣчто новое и отрадное представляетъ *Ждановская* женская второклассная школа. Ученицы ея живутъ по частнымъ квартирамъ, избраннымъ по указанію священника, съ соблюденіемъ всѣхъ необходимыхъ педагогическихъ соображеній. По своимъ квартирамъ ученицы только кормятся и спятъ, въ классныхъ же помѣщеніяхъ онѣ находятся не только въ дообѣденные часы занятій, но и во время вечерняго приготовления уроковъ. Въ школѣ предъ классными занятіями утромъ всѣ онѣ слушаютъ общую молитву, въ школѣ же по окончаніи вечернихъ занятій слушаютъ вечернюю молитву, и тогда только расходятся по квартирамъ. За квартирами имѣетъ надлежащій надзоръ завѣдующій школою священникъ. Кромѣ того каждая изъ учительницъ взяла себѣ одно изъ отдѣленій для настоящаго надзора и руководства, на положеніи классныхъ наставницъ, за все время пребыванія этихъ ученицъ въ школѣ. Порядокъ этотъ представляется въ высшей степени полезнымъ и разумнымъ. Понятно, что школа удостоилась поощренія и высокой похвалы верховнаго начальника Полтавскихъ школъ: „да укрѣпляетъ Господь, пишетъ онъ, добраго пастыря А. Станиславскаго (завѣдующій школою) въ разумныхъ и неустанныхъ заботахъ его не только въ обученіи и воспитаніи дѣтей, но и въ надзорѣ за ихъ помѣщеніемъ въ разныхъ домахъ; съ утѣшеніемъ благословляю его. Благодарю усердныхъ тружениковъ—учителей и учительницъ Ждановскихъ школъ за ихъ любовь къ дѣтямъ“.

Подобное же доброе впечатлѣніе про

изводить *Николаевская* школа въ м. *Стѣча*. Наблюдатель такъ описываетъ ея посѣщеніе: „классная комната была освѣщена большою лампою, и въ сборѣ оказались дѣти старшаго отдѣленія: они явились на спѣвку для пѣнія на предстоявшее воскресенье и на праздники. Видно, что дѣтки охотно собираются въ любимую школу. Спѣвками руководить учитель, питомецъ Харьковецкой второклассной школы. По-немногу спросилъ я присутствовавшихъ дѣтей изъ Закона Божія и другихъ предметовъ, и они дали отвѣты очень хорошіе. Стихотворенія читали весьма выразительно. Поютъ увѣренно, стройно, красиво. Школьное зданіе чистенькое, довольно свѣта и воздуха, хорошо обставлено. Въ углу большой образъ Спасителя въ весь ростъ, икона очень хорошаго письма. Къ образу придѣланъ ящикъ, въ которомъ подъ стекломъ хранится св. Евангеліе въ церковномъ окладѣ. На стѣнахъ портреты царскіе и владычній уборы расшитыми полотенцами. На всемъ видна любовная забота о школѣ о завѣдующаго... Я вынесъ изъ этой школы отрадное впечатлѣніе“. И эта школа не осталась безъ вниманія и похвалы владыки: „радуютъ душу такіа школы. Благодарю и благословляю законоучителя свящ. Аркадія Савченко и учителя пѣнія А. Лесенко и другихъ непоименованныхъ тружениковъ“.

Столь же прекрасные отзывы заслужили школы въ с. *Чернобай*. Среди самаго села на значительномъ участкѣ между церковью и домомъ священника стоятъ 2 большихъ зданія, которыя должны обращать на себя вниманіе каждаго проѣзжающаго. Устроены эти зданія въ видѣ двухъ большихъ глаголей, подъ желѣзомъ, съ благоприличными вывѣсками на верху крылецъ. Это двѣ церковно-приходскія школы—мужская и женская. Въ нихъ масса свѣта и воздуха. Раздвижныя же стѣнки превращаютъ три классныхъ комнаты въ одинъ большой залъ. Внутреннее убранство комнатъ со-

отвѣтствуетъ внѣшней внушительности зданій. Въ классныхъ помѣщеніяхъ имѣется надлежащая учебная обстановка, св. образа съ теплящимися предъ ними лампадами, при чемъ образа громадной величины „Нагорная проповѣдь“ и „Благословеніе дѣтей“ хорошаго письма. Привлекаютъ къ себѣ вниманіе также образъ Богоматери, пожертвованный въ мужскую школу В. К. Саблеромъ и образъ св. великомученицы Варвары, даръ школѣ отъ причта и общества сосѣдняго Варваринскаго прихода, о чемъ гласятъ и надписи при св. иконахъ.

Вообще впечатлѣніе отъ обѣихъ школъ самое отрадное: воспитаніе и обученіе поставлено прекрасно. Надпись преосвященнаго на докладѣ объ этихъ школахъ гласитъ: „утѣшаюсь, молюсь и благословляю добраго пастыря и ревностнаго просвѣтителя вѣренной ему Богомъ паствы—о. Василія Романицкаго. Благодарю душевно сотрудниковъ его, учащихъ малыхъ дѣтей, и усердныхъ прихожанъ, понимающихъ пользу церковнаго обученія. Благословляю и призываю на нихъ милость Божію“.

Наконецъ, въ томъ же селѣ замѣчательна *Варваринская* смѣшанная церковно-приходская школа; она помѣщается въ новомъ хорошемъ зданіи подъ желѣзомъ, съ приличнымъ выходомъ на площадь. Внутри свѣтло и просторно. Раздвижныя стѣны даютъ возможность имѣть весьма вмѣстительный залъ для внѣбогослужбныхъ собесѣдованій и другихъ надобностей. Изъ всей обстановки школы и ея успѣховъ видно, что и здѣсь къ церковно-просвѣтительному дѣлу относятся съ усердіемъ и любовію. „И здѣсь утѣшеніе и отрада“—замѣчаетъ преосвященный: „Чернобай—краса церковныхъ школъ, а прихожане своею дружною заботою о дѣтяхъ—прекрасный примѣръ для всѣхъ приходоѡвъ. Благодарю законоучителя и учащихся“.

Утѣшительное явленіе, отмѣченное конечно преосвященнымъ, имѣетъ мѣсто въ приходѣ свящ. Иваницкаго (Казенная Кри-

вая Руда), хотя объясняемое какъ *плодъ прежнихъ школьныхъ занятій*. Нѣкоторые изъ окончившихъ школу его воспитаницъ по выходѣ замужъ продолжаютъ посѣщать для пѣнія клиросъ и въ постъ поютъ по нотамъ „Да исправится молитва моя“. „Дай Богъ *побольше такихъ добрыхъ явленій*“, отмѣтилъ владыка.

Много и другихъ любопытныхъ помѣтокъ сдѣлано рукою владыки на представленномъ ему отчетѣ. Видно, что школьное дѣло было особенно близко его сердцу и встрѣчало въ немъ самое живое участіе и отзывчивость. Неудивительно, что Полтавскія школы пользуются вообще прекрасною репутациею: руководство ими находится въ надежныхъ рукахъ, дѣятели школы, подъ бдительного-отеческимъ надзоромъ и по примѣру своего архипастыря, одушевлены единомыслиемъ желаніемъ работать, и случаи нерадиваго отношенія къ школѣ вообще здѣсь рѣдки. Полтавскіе отчеты—одни изъ наиболѣе содержательныхъ, любопытныхъ и отрадныхъ.

Всѣмъ этимъ Полтавское школьное дѣло обязано - выдающейся ревности въ Божѣ почившаго преосвященнаго Иларіона. Это былъ, можно сказать, святитель, который *жилъ школой*, и послѣднія прощальныя слова его землѣ были исполнены любви къ дѣтямъ и обращены къ нимъ. „*Дѣти дорогія, помяните любившаго васъ до конца жизни!*...“—такъ кончается его завѣщаніе паствѣ.

И дѣйствительно, всю архипастырскою, всю отеческою любовію любилъ милыхъ дѣтокъ покойный владыка-дѣдушка. Больше радости, большаго утѣшенія для него не было, какъ узнать или самому видѣть—дѣло возникновенія, благоустроенія и развитія каждой церковной школы, добрые успѣхи учащихся дѣтокъ мальчиковъ и особенно дѣвочекъ. При своихъ многослож-

ныхъ дѣлахъ по управленію, при своихъ весьма преклонныхъ лѣтахъ, маститый владыка-дѣдушка пользовался каждой возможностью бывать въ церковныхъ школахъ, посѣщать въ нихъ занятія, годовыя испытанія и школьные праздники. Никогда при семъ не отказывалъ онъ дѣтямъ въ своемъ архипастырскомъ наставленіи, не уставалъ благословлять каждаго изъ нихъ по одиночкѣ, одарять ихъ св. крестиками, иконами и книжечками. Всегда находилось у него слово вниманія и ласки руководившимъ дѣтьми учителямъ и учительницамъ. И церковныя школы въ Полтавской епархіи за двадцать лѣтъ его архипастырствованія, при ревностномъ трудѣ духовенства и всѣхъ его сотрудниковъ и сотрудницъ, выросло въ стройное, могучее дерево, котораго не сломятъ никакія общественныя бури. Нынѣ свыше полусотни тысячъ дѣтей получаютъ въ Полтавской епархіи начальное образованіе и воспитаніе въ строго церковномъ духѣ и непосредственно подъ сѣнію св. Церкви. При этомъ дѣло женскаго образованія и воспитанія вызвано къ бытію и твердо поставлено, какъ дѣло самое существенное для нашего народа.

При такомъ особенномъ попеченіи о дѣтяхъ и школахъ для нихъ, чего лично для себя желалъ отъ нихъ почившій дѣдушка-владыка? Обычно онъ говаривалъ дѣтямъ: „*учитесь, дѣти, трудитесь, Богу молитесь, чтобы вамъ быть добрыми христіанами и христіанками*. И меня помяните въ своихъ молитвахъ: я вѣрю въ чистоту и силу дѣтской молитвы!“ Вотъ чего онъ желалъ для себя: *дѣтской молитвы*. О молитвенномъ памятованіи говоритъ владыка и въ своемъ прощальномъ словѣ. Да упокоить Господь чистую душу этого примѣрнаго святителя—друга дѣтей.

Изъ періодической печати.

Памятныя наставленія Архипастыря.

(Изъ Новгородскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостей).

Дѣти... Что можетъ быть дороже дѣтей? Какъ теперь смотрю я на свою большую маленькую дочурку. Лежитъ она въ коляскѣ. На лбу выступилъ потъ. Въ глазахъ какая-то отрѣшенность отъ всего. На ласки отца и матери нѣтъ обычнаго отвѣта. На зовъ ихъ отвѣчаетъ одинъ и тотъ же серьезный взглядъ. Еще тяжелѣе было смотрѣть, когда у ней, взятой на руки, головка безпомощно склонялась къ плечу матери. Плача уже нѣтъ, а только это зловѣщее покашливанье... Да! Мы умѣемъ любить своихъ дѣтей. И что было бы, если бы мы такъ же слѣдили за ихъ духовнымъ ростомъ, какъ слѣдимъ за ростомъ ихъ тѣла! Какія чудныя дѣти выросли бы у насъ, если бы болѣзни нравственнаго характера ихъ отзывались въ нашемъ сердцѣ тѣ же болю, какъ болѣзни тѣла ихъ!

Смотря на своихъ дѣтей, я съ ужасомъ припоминаю типы интеллигентнаго молодого поколѣнія, которые рисуютъ беллетристика. — Вотъ повѣсть Андреева „Въ туманѣ“. Еще юнецъ, и уже знакомъ съ жизнью до дна. Еще не началъ жить человѣкъ, и уже отжилъ, потому что носить въ себѣ печать позорной болѣзни. А эти утѣшенія, которыми юноша успокоиваетъ себя! И тотъ, и этотъ боленъ тѣмъ же. Такой-то выльчился, выльчусь и я. Боже! Да уже ли это вѣрно? Но вотъ послышались голоса, оспаривающіе справедливость того, что пишетъ Андреевъ. Навстрѣчу имъ несутся новые голоса, которые говорятъ: да, дѣти наши таковы. 99 процентовъ изъ подросткающаго поколѣнія говорятъ за ту страшную истину, что эта повѣсть не плодъ фантазіи писателя.

И молитва за своихъ дѣтей дѣлается болѣе усердною. Невольно плешь благодарности и духовной школь, которая такъ берегла насъ отъ искушеній жизни. Съ другой стороны, по долгу пастыря съ новымъ и новымъ усердіемъ учить родителей заботиться о надлежащемъ воспитаніи дѣтей. Когда свободно крестьянину, являешься въ его семью, и здѣсь даешь над-

лежащіе уроки. Школа дѣлается не тяготою, и пребываніе въ ней пріятнѣйшею порою сѣянія. Видишь, какъ твое слово ложится на добрую почву дѣтскаго сердца и охотно воспринимается имъ. Однако помнишь, что написано: „*Кто Павелъ? кто Аполлосъ? Они только служители, чрезъ которыхъ вы узрѣвали, и притомъ по скольку каждому далъ Господь. Я посадилъ, Аполлосъ поливалъ, но возрастилъ Богъ*“ (1 Кор. 3, 5 — 6). И молишься Господину жатвы, *все возвращающему Богу*, чтобы трудъ не пропалъ даромъ.

И вотъ на помощь слову пастыря является сильнѣйшее слово Архипастыря. И удивительно! Оно говоритъ прихожанамъ о томъ же, о чемъ говорилъ, надъ чѣмъ работалъ и я.

„Когда я сегодня увидѣлъ всѣхъ васъ, братія, — говорилъ моимъ прихожанамъ при посѣщеніи моего прихода нынѣшнимъ лѣтомъ Преосвященный Теодосій, Епископъ Кирилловскій, въ такомъ множествѣ собравшихся для встрѣчи меня, какъ православнаго Архіерея, вмѣстѣ со своими дѣтьми, мнѣ невольно припомнилась картина, какъ, когда еще Христосъ жилъ на землѣ, многія толпы народа встрѣчали Его по городамъ и селеніямъ земли Іудейской, при чемъ матери приводили и дѣтей своихъ, чтобы Господь благословилъ ихъ. Одинъ разъ дѣтей собралось, вѣроятно, очень много. Не столько шалостливостію, сколько своею подвижностію они по обыкновенію безпокоили старшихъ и мѣшали имъ слушать слово Божіе. Тогда ученики Христовы ради порядка перестали допускать ихъ ко Христу. Но Господь, замѣтивши это, строго сказалъ имъ: „оставьте дѣтей приходить ко Мнѣ и не возбраняйте имъ, ибо таковыхъ есть царство небесное“, и прибавилъ: „если и вы не примете царства Божія какъ дѣти, то не войдете въ него“. — „И возложивъ на нихъ руки, благословилъ ихъ“. Этотъ случай изъ земной жизни Христа Спасителя и видъ этихъ дѣтей, пришедшихъ получить архіерейское благословеніе, даютъ мнѣ прекрасный по-

воду побесѣдовать съ вами, братія, о христіанскомъ воспитаніи дѣтей.

Прежде всего замѣчу, что воспитаніе дѣтей есть самое главное изъ нашихъ дѣлъ, есть вѣчное дѣло. Люди строятъ дома, распахиваютъ нивы, созидаютъ города, завоевываютъ цѣлыя страны, спускаютъ на море корабли, обрабатываютъ грубые камни въ прекрасныя статуи и т. д. Все это дѣла можетъ быть великія и славныя, но не вѣчныя, потому что ничего нѣтъ вѣчнаго подъ солнцемъ. Часто бываетъ, — умереть дѣлатель, умираетъ съ нимъ и его дѣло. Если же и не такъ, то во всякомъ случаѣ, съ кончиною міра, когда все сгоритъ и уничтожится, уничтожатся и всѣ наши земныя дѣла. „Придетъ же день Господень, какъ тать въ ночи, тогда небеса съ шумомъ прейдутъ, стихіи же разгорѣвшись разрушатся, земля и всѣ дѣла на ней сгорятъ“, пишетъ ап. Петръ во 2-мъ своемъ соборномъ посланіи (гл. 3, 10). Итакъ, съ нашею смертію и съ кончиною міра, говоримъ, все земное умереть, уничтожится, но дѣло воспитанія, какъ вѣчное, не можетъ умереть и уничтожиться, потому что дѣтская душа не то что камень, изъ котораго мастеръ дѣлаетъ красивую статую, или дерево, изъ котораго вытачиваютъ всевозможныя фігуры, не то, что земля, изъ которой создано все, въ томъ числѣ и наше подверженное разрушенію тѣло, — душа дѣтская есть бессмертный и разумный духъ, созданный Творцомъ по образу и подобию Его Самого. Какъ видите, матеріалъ, съ которымъ имѣетъ дѣло всякій воспитатель, самый цѣнный и благородный, до того цѣнный, что весь міръ не стоитъ одной души человѣческой. „Какая польза человѣку, говоритъ Христосъ, если онъ приобрѣтетъ весь міръ, а душѣ своей повредитъ? Или какой выкупъ человѣкъ дастъ за душу свою?“ (Мрк. 8, 36). Все это непремѣнно должны крѣпко помнить всѣ, кто имѣетъ отношеніе къ дѣтямъ: учителя, духовные пастыри, наставники, родители и всѣ вообще старшіе, — особенно же родители, которые являюся самими главными и первыми воспитателями своихъ дѣтей, начиная съ ихъ колыбели. Воспитываетъ дѣтей и школа, и церковь, и общество, но прежде всего ихъ воспитываетъ родительскій домъ.

„Замѣчено: какое воспитаніе человѣкъ

получилъ дома, такимъ онъ большею частію остается и на всю жизнь. Если онъ росъ въ хорошей доброй и благочестивой семьѣ, то изъ него и выходитъ большею частію хорошій человѣкъ. Если же онъ росъ въ плохой семьѣ, видѣлъ часто и ссоры, и драки, и пьянство, и распутство и всякія другія нехорошія картины, то скорѣе всего надо ожидать, что и самъ онъ будетъ нехорошимъ, нечестнымъ, жестокимъ, вообще непорядочнымъ человѣкомъ. Мнѣ лично приходилось встрѣчать людей съ плохими качествами, и когда я старался узнать, отъ чего они стали такими, то почти всегда оказывалось, что это зависѣло отъ дурного ихъ воспитанія. Вѣдь душа ребенка похожа на мягкій воскъ, — на ней все отпечатлѣвается: дурное, къ сожалѣнію, еще глубже, чѣмъ хорошее, оставляя на всю жизнь трудно смываемый слѣдъ. Поэтому, къ вамъ мое пастырское слово, отцы и матери! Будьте при дѣтяхъ всегда осторожны, какъ бы они малы ни были. Каждый христіанскій домъ Апостоль называетъ „домашнею церковію“, — ведите же себя и дома со страхомъ Божиимъ, какъ бы вы находились въ домѣ Божиемъ. Тогда вашъ примѣръ будетъ вліять на дѣтей вашихъ лучше всякихъ уроковъ и наставлений, хотя и этимъ дѣломъ не пренебрегайте. Учите ихъ съ самыхъ первыхъ лѣтъ всякій день и всякое дѣло начинать и оканчивать молитвою, говорить всегда правду, никого не обманывать, съ уваженіемъ относиться къ чужой собственности, начиная съ чужихъ игрушекъ, — почитать старшихъ, соблюдать св. посты; не давайте имъ мучить животныхъ, разорять гнѣзда птичекъ, заводить между собою ссоры и драки, слѣдите за самыми дѣтскими играми, чтобы онѣ не были предосудительными. И будьте увѣрены, ваши труды не останутся втуне, не будутъ напрасными. — Когда дѣти достигнутъ восьми-лѣтняго возраста, посылайте ихъ въ школу, какъ мальчиковъ, такъ и дѣвочекъ. Школа — ваша союзница въ дѣлѣ воспитанія. Тѣ добрыя качества, которыя дѣти приобрѣли у васъ дома, школа хочетъ только развить и укрѣпить, а все дурное по возможности ослабить и искоренить. Теперь повсюду заводятся существовавшія у насъ съ глубокою древности, отъ времени Св. Владиміра, такъ называемыя церковно-приходскія школы. Св. Церковь, вѣрная заповѣди

Христа Спасителя учить всѣхъ людей въ духѣ правды и любви, взяла эти школы подъ свое особое покровительство, такъ какъ первою задачею церковно-приходскихъ школъ является именно христіанское воспитаніе обучающихся въ нихъ дѣтей. Въ нашемъ приходѣ есть двѣ такихъ школы. Относитесь къ нимъ съ полнымъ довѣріемъ, не жалѣйте на нихъ и тѣхъ небольшихъ затратъ, какія иногда съ васъ требуютъ: помните, — все, что вы дадите на это дѣло, сторицею вернется вамъ на вашихъ же дѣтяхъ. Но лучшая изъ школъ для всякаго христіанина есть храмъ Божій, какъ училище высшей мудрости — страха Божія. Это лучшая школа и для дѣтей, и притомъ всѣхъ возрастовъ безъ исключенія. Водите же, братія, въ эту благодатную школу дѣтей своихъ на сколько возможно чаще. Повелѣніе Господне „не мѣшать дѣтямъ приходить къ Нему“ прежде всего и внушаетъ намъ, чтобы мы никакъ не возбраняли имъ ходить въ храмъ Божій, предъ лицо Самого Бога, Который сказалъ еще о храмѣ Соломоновомъ: „и будутъ очи Мои здѣсь и уши, чтобы внимать молитвѣ рабовъ Моихъ“ (3 Цар. 9, 3). Не говорите, что дѣти глупы, ничего не поймутъ, только помѣшаютъ старшимъ. Такъ рассуждали и Апостолы, но не такъ рассудилъ Христосъ. Дѣти по своей простотѣ и невинности способнѣе взрослыхъ принять святую истину. Почему Христосъ и сказалъ: „если и вы не примете царства Божія какъ дѣти, то не войдете въ него“. Итакъ, безъ всякаго смущенія по-

сылайте дѣтей вашихъ въ церковь всякій праздникъ, и заставляйте ихъ пѣть въ хорѣ, чтобы не переводилось у васъ такое стройное пѣніе, какое мы сейчасъ только что слышали: хорошее церковное пѣніе придаетъ особую красоту церковному богослуженію, облагораживаетъ душу, умиляетъ и восторгаетъ молящихся.

Имѣя такихъ сильныхъ союзниковъ, какъ церковь и школа, постарайтесь же, братія, надлежаще—по христіански воспитать вашихъ дѣтей. Постараться объ этомъ слѣдуетъ, потому что дѣти—наше будущее, будущіе граждане нашего отечества, будущіе сыны нашей Православной Церкви и будущіе наслѣдники небеснаго царствія; благовоспитанныя дѣти, наконецъ, ваши будущіе кормильцы въ старости и молитвенники по смерти. Аминь!“

Нужно ли говорить о томъ, какъ счастливъ я былъ, внимая слову Архипастыря и размышляя о благопріятномъ дѣйствіи его на своихъ пасомыхъ? И я знаю, что послѣдніе вмѣстѣ съ святительскимъ благословеніемъ понесли домой думу глубокую о лежащемъ на нихъ великомъ долгѣ воспитанія дѣтей. Конечно, слушаетъ народъ и своего пастыря, но безмѣрно дѣйственнѣе слово святителя Божія. И мнѣ не разъ приходилось убѣждаться въ томъ, что мысль моихъ прихожанъ отъ моей съ съ ними бесѣды снова и снова возвращалась къ тому, что было сказано имъ посвященнымъ владыкою.

Свящ. села Замостья *Алексій Борисовъ.*

БИБЛИОГРАФІЯ.

Народная Читальня—ежемесячный журналъ, издаваемый при газетѣ Русское Чтеніе. Цѣна 2 рубля за 12 книгъ. Для подписчиковъ Русскаго Чтенія 1 р. 50 к. Адресъ: С-Петербургъ, Надеждинская, 19.

По лицу земли великой
Каждый день и тамъ, и тутъ
Для борьбы съ неправдой дикой
Школы—звѣздочки растутъ.
Пусть онѣ, какъ тѣ на небѣ,
На землѣ для насъ горятъ,
И не только лишь о хлѣбѣ,
И о небѣ говорятъ.
Наша жизнь повита ложью,
Такъ пускай-же эту ложь,

Полюбивши правду Божью,
Ненавидитъ молодежь!

Вотъ доброе пожеланіе поэта русской школѣ! Но, разумѣется, для осуществленія этой святой задачи, для воспитанія въ православно-русскомъ народѣ „правды Божіей“ нужна не одна грамотность, не одинъ только честный труженикъ школы—воспитатель дѣтей, но и надлежащія средства воспитанія, которыя могли бы довести-

тывать и учащаго и учащихся, особенно въ періодъ ихъ послѣ—школьной жизни. Таковымъ, и почти единственнымъ, могущественнымъ средствомъ воспитанія народа и является прежде всего печатное слово. Книгу, какъ извѣстно, уважаетъ нашъ полуграмотный человѣкъ. Онъ довѣряетъ ей, какъ авторитету. „Въ книгѣ написано“—важный доводъ для сельскаго грамотея. Правда, иногда онъ и не раздѣляетъ, не одобряетъ содержимаго въ книгѣ—того, что не отвѣчаетъ его православно-русскимъ воззрѣніямъ. Но и въ такихъ случаяхъ онъ не забрасываетъ книгу, а съ недоумѣніемъ и изумленіемъ говоритъ: „смотри-ка, что въ книгѣ-то написано“. И нужно замѣтить, что современный книжный рынокъ даетъ много этого „недоумѣннаго“ матеріала, къ которому всякій здравомыслящій человѣкъ можетъ отнестись съ заслуженнымъ пренебреженіемъ. Понятно, поэтому, какъ дорога для русскаго человѣка всякая здоровая духовная пища, какъ цѣнна для всякаго руководителя дѣтей и деревенскаго грамотея-читателя каждая полезная книга, каждое назидательное чтеніе.

Въ бесконечно-длинномъ списокѣ разнообразныхъ изданій, крикливо предлагаемыхъ для дѣтей старшаго и младшаго возраста, для юношей и взрослыхъ, мы съ удовольствіемъ отмѣчаемъ недавно появившійся журналъ „Народная Читальня“. Предъ нами 12 книжекъ 1903 года. Недорогой и доступный, поэтому, для небогатыхъ читателей, журналъ „Народная Читальня“ обращаетъ на себя вниманіе и по своей внѣшности и по содержанію.

Что касается въ частности его содержанія, то оно заполняется статьями небезызвѣстныхъ въ литературѣ писателей. Такъ, здѣсь участвуетъ, напримѣръ, нашъ маститый богословъ—протоіерей П. А. Смирновъ, который даетъ общедоступное, обычно краткое, но назидательное разъясненіе различныхъ вопросовъ церковной исторіи и хрістіанской нравственности. Здѣсь помѣщаются рассказы небезызвѣстныхъ писателей: Немировича-Данченко, Круглова и др. Здѣсь-же печатаются прекрасныя произведенія лучшихъ нашихъ поэтовъ: графа Алексѣя Толстаго, Тютчева, Апухтина и т. п. Не мало также встрѣчается здѣсь стихотвореній поэта Аполлона Коринфскаго—извѣстнаго знатока русскихъ народныхъ былинъ и пѣсенъ и удачнаго подражателя имъ...

Не жалѣя, повидимому, средствъ для привлеченія наилучшихъ сотрудниковъ, редакція „Русскаго Чтенія и Народной Читальни“ дѣйствительно дала за истекшій годъ разнообразное, занимательное и назидательное чтеніе. А отлично-исполненныя иллюстраціи, принадлежащія извѣстнымъ художникамъ, придають особый интересъ журналамъ. Желая процвѣтанія этимъ полезнымъ изданіямъ, мы вѣримъ, что, по мѣрѣ ознакомленія съ ними любителей чтенія, они привлекутъ симпатіи и многихъ руководителей школъ и провинціальныхъ читателей и дадутъ дѣйствительно разумный отдыхъ въ школѣ, семьѣ и народныхъ бібліотекахъ.

Димитрій Введенскій.

НАШЪ ДНЕВНИКЪ.

Февраль 1904.

Что за потемнѣніе, что за упорство нашло на нашихъ интеллигентовъ, именующихъ себя „просвѣщенными людьми“!.. Извѣстно, какъ озабоченъ Государь нашъ добрымъ воспитаніемъ учащейся молодежи въ нашихъ всякаго рода школахъ; сколько разъ съ высоты Своего Царскаго Престола напоминалъ Онъ о необходимости *религіознаго* воздѣйствія на юныя души! Къ той же цѣли стремятся и слуги Царевы. Прошлымъ лѣтомъ г. министръ народнаго просвѣщенія разослалъ попечителямъ учеб-

ныхъ округовъ циркулярное предложеніе обсудить мѣры, могущія способствовать поднятію нравственнаго уровня въ воспитанникахъ учебныхъ заведеній. Казалось бы: какъ въ такомъ вопросѣ можно обойтись безъ духовно-нравственнаго воздѣйствія на учащихся? Какъ не заговорить о вѣрѣ, о Церкви, о Христѣ Спасителѣ?.. Но увы, первый же откликъ на призывъ г. министра показалъ, что современные педагоги, а вслѣдъ за ними и родители учащихся, какъ бы стыдятся произносить

такія „ретроградныя“ слова, какъ вѣра, Церковь и Православіе... Правда, этогь откликъ идеть изъ либеральной Одессы и ея округа: дай Богъ чтобы хотя коренная-то Русь не постыдилась вспомнить эти заветныя, святыя слова. А то право же больно было читать въ *Новомъ Времени* статью подъ нескладнымъ заглавіемъ: „Мѣры нравственнаго улучшенія (sic!) учениковъ“. Нравственное улучшеніе... какъ-то странно звучитъ это слово въ устахъ хрістіанина. Мы привыкли употреблять слово „воспитаніе“, а не улучшеніе... Но дѣло не въ словахъ. Въ чемъ же заключаюся тѣ мѣры, какія предлагаюся—уже не учительскимъ персоналомъ,—это газета особенно подчеркиваетъ почему-то,—или не этимъ персоналомъ исключительно, но главнымъ образомъ родителями учениковъ и вообще „мѣстными просвѣщенными людьми“?

Во первыхъ, усиленіе домашнихъ письменныхъ работъ по русской словесности, проще говоря—писаніе сочиненій: разсужденій и нетрудныхъ компіляцій... Читаешь и глазамъ не вѣришь... Какъ это „писаніе сочиненій“ можетъ служить средствомъ къ „нравственному улучшенію“ учениковъ? Что они „развиваютъ и дисциплинируютъ умъ“—объ этомъ не споримъ; но развѣ рѣчь идеть объ умѣ? Развѣ съ развитіемъ ума улучшается непременно и нравственность? Никто не споритъ, что тутъ развивается „умственная гимнастика“, но, позволяете: развѣ это „нравственное улучшеніе“? Не споримъ, что писаніе сочиненій можетъ *косвенно* служить нравственному улучшенію учащихся, какъ средство, отвлекающее ихъ вниманіе отъ разныхъ постороннихъ вѣяній; но вѣдь это только пальятивъ, это—перегородка, чрезъ которую все же легко проникнетъ либеральная и безбожная пропаганда, какъ это и было съ тѣми талантливыми семинаристами, которые въ печальной памяти шестидесятыхъ годахъ были совращаемы политическими агитаторами и гибли въ болотѣ социальныхъ бредней. Вспомните несчастнаго Чернышевскаго и ему подобныхъ.

Другую мѣроу къ нравственному улучшенію учениковъ рекомендуется „участіе педагогическихъ совѣщаній съ родителями“,—грамотнѣе было бы сказать, конечно: „участіе родителей въ педагогическихъ совѣщаніяхъ учащихся“. И противъ этой мѣры

мы ничего не скажемъ: давно бы пора привлечь родителей къ святому дѣлу воспитанія ихъ же собственныхъ дѣтей. Какіе же вопросы будутъ обсуждаться въ такихъ совмѣстныхъ съ родителями совѣщаніяхъ педагоговъ? — „Какъ приучать дѣтей къ чтенію? Какъ бороться и успѣшно бороться съ шаловливымъ привыканіемъ къ куренію? Какъ побудить активное участіе къ классной работѣ?“... И опять ни слова о воспитаніи религіознаго чувства въ ученикѣ, о воспитаніи совѣсти и о всемъ томъ, что составляетъ по ученію хрістіанскому „нравственную жизнь хрістіанина“. Не потому ли обходятъ эти святыя понятія, что въ гимназіяхъ-де учатся не одни дѣти-хрістіане, что тамъ немало и евреевъ-дѣтей и даже магометанъ? Но, позволяете же: вѣдь не евреи, но татары же хозяева въ хрістіанскомъ учебномъ заведеніи? Не угодно имъ подчиняться режиму хрістіанской школы — пусть себѣ увольняются... Такъ вотъ до чего дѣло дошло: въ угоду, можетъ быть, инородцамъ, а вѣрнѣе всякимъ невѣрамъ-интеллигентамъ, наши педагоги, а вслѣдъ за ними и родители, уже боятся заговоривать о вѣрѣ, о Церкви, о Богѣ и Его святомъ законѣ... Вотъ почему у насъ въ семьяхъ и школахъ, какъ совершенно справедливо проговорилась газета, „воспитанія въ сущности никакого нѣтъ, оно вовсе исчезло“....

Авось громаы небесныя, надъ Русью святою возгремѣвшіе, пробудятъ совѣсть русскихъ либерально мыслящихъ людей; авось они, видя воочію, въ чемъ сила православнаго русскаго воинства, поймутъ, о чемъ паче всего надобно позаботиться имъ и въ дѣлѣ воспитанія своихъ дѣтей—будущихъ гражданъ Русской земли...

Мы получили слѣдующее письмо:

„Прочитавъ статью свящ. І. Молебнова (№ 26 Божіей Нивы). „Въ народной бібліотекѣ читальнѣ“ мнѣ невольно захотѣлось помочь жаждущимъ духовнаго чтенія, и потому прошу уважаемую Редакцію сообщить мнѣ подробный адресъ этой бібліотеки, дабы я могъ пожертвовать часть ищѣющихся у меня духовныхъ книгъ.“

Съ совершеннымъ почтеніемъ Вашъ подписчикъ (49) С. Ивановъ“.

Понятно, что мы съ радостію исполнили его желаніе и съ своей стороны приносимъ ему искреннюю благодарность.

НАШИМЪ ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Редакція „Троицкихъ Листковъ“ приноситъ глубокую благодарность всѣмъ, кто почтилъ ее словомъ привѣта и молитвеннаго благожеланія по случаю исполнившагося 25-лѣтія изданія листковъ. Успѣхъ этого добраго дѣла есть слѣдствіе Божія благоволенія за молитвы угодника Божія Преподобнаго Сергія, и добраго содѣйствія тѣхъ православныхъ русскихъ людей, которые помогали намъ распространять наши изданія. Пусть и они, наши сотрудники въ семь дѣлѣ, порадуются нашею радостью. А затѣмъ—задняя забывая, будемъ Въ предняя простираться, по заповѣди Апост. Хрїстова.

Нѣкоторые читатели выражаютъ желаніе получать только „Зернышки“ для дѣтей, безъ журнала. Просимъ имѣть въ виду, что почтовая пересылка однихъ „Зернышекъ“ для нихъ обошлась бы, по почто-

вымъ условіямъ, дороже, чѣмъ журналъ съ *Зернышками*.

Очевидно, нѣкоторые считаютъ *Божію Ниву* духовнымъ *дѣтскимъ* журналомъ, и потому выписываютъ даже прямо на имя своихъ дѣтей. Кажется, мы не давали повода въ своихъ объявленіяхъ къ такому недоразумѣнію. Для дѣтей предназначается одинъ отдѣлъ—„Зернышки“, и мы надѣемся, съ Божіей помощію, развить этотъ отдѣлъ возможно шире. Знаемъ изъ писемъ нашихъ читателей и сотрудниковъ, какъ велика нужда въ книгахъ и періодическихъ изданіяхъ для дѣтей именно *духовнаго* содержанія. По мѣрѣ силъ будемъ удовлетворять съ своей стороны этой нуждѣ. Просимъ и читателей нашихъ откликаться: чего они ждуть отъ обители Преподобнаго Сергія для своихъ дѣтокъ?

Ред. А. Никонъ.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

ПРИНИМАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА

„РУССКІЙ ВѢСТНИКЪ“ въ 1904 году.

(Сорокъ девятый годъ изданія).

Содержаніе февральской книжки (№ 2): I. Высочайшій манифестъ 27 янв. 1904 г.—II. Склирена. Историч. пьеса въ 5 дѣйствіяхъ и 6 карт. въ стихахъ Р. Л. Антропова.—III. Свѣточи Чехіи. Часть вторая VIII—XII. В. И Крыжановской (Рочестеръ).—IV. Фата-Моргана—Ледоходъ.—Осенью. Стих. Л. Кологривовой—V. Лукьяновскій пріютъ. I. I. Ясинскаго.—VI. I. Аккерманскія степи. П. Momento mori. Стихотворенія В. Пуришкевича.—VII. Россія на Дальнемъ Востокѣ. А. Бѣломора.—VIII. Изъ македонскихъ воспоминаній русскаго добровольца. В. Тагѣева.—IX. Изъ Чехіи. Юсіфа Голечка.—X. „Славянскій Орелъ“ Хомякова. М. П—аго.—XI. Максимъ Горькій. Н. Я. Стечкина.—XII. Иди и буди. Стихотвореніе Анатолія Александрова.—XIII. Письма о деревнѣ. С. А. Короленко.—XIV. Русско-японскія отношенія. Д. Мертваго.—XV. Изъ иностранной печати. М. М—ва.—XVI. Библиографія. А. Григорьева, М. М—ва.—XVII. Журнальное обозрѣніе. Н. Я. Стародума.—XVIII. Письмо въ редакцію. А. Кони.—XIX. Современная лѣтопись.—I. Внутреннее обозрѣніе.—Всеподданнѣйшій докладъ управляющаго министерствомъ финансовъ товарища министра.—Возраженіе К. Головину по вопросу о казенномъ хозяйствѣ.—Финансовыя мѣропріятія по случаю войны съ Японіей.—Манифестъ о войнѣ съ Японіей.—Первыя извѣстія съ театра войны. С. А. К.—II. Обзоръ внѣшнихъ событий.—Русско-японское преспірательство. В. Теплова.—XX. На полѣ славы. Г. Сенкевича.—XXI. Памяти В. Л. Величко. М. М. Бородинна.—XXI. Памяти В. Л. Величко. Стихотвореніе Бориса Каховскаго.—XXIII. Какъ умеръ В. Л. Величко. П. Вожина.

Цѣна: на годъ съ достав. и перес. въ Россіи 16 р., за границу 20 р.

Адресъ конторы и редакціи: С.-Петербургъ, Невскій, 136.

Редакторъ-издатель В. В. Комировъ.

Продолжается подписка на новую еженедельную газету

МОСКВА.

Программа издания: I. Статьи по вопросам религиозно-философскимъ, церковно-общественнымъ, политическимъ, финансовымъ, экономическимъ, народного просвѣщенія, національной культуры, науки и искусства. II. Романы, повѣсти, стихотворенія, драмы и проч. III. Обзорніе текущей русской и всемірной политической, духовной, гражданской, экономической и религиозно-нравственной жизни, обзоръ научныхъ и литературныхъ движеній и лѣтопись внутренней жизни. (По отдѣламъ: 1. Официальный отдѣлъ. 2. На Руси. 3. За Рубежемъ. 4. У Славянъ. 5. Вѣсти съ Далекой Руси. 6. По Азіи. 7. Русская Правда. 8. Современная печать. 9. Наша жизнь. 10. По чужимъ странамъ. 11. Политическія извѣстія. 12. Критика и библиографія. 13. Наука, искусство и литература. 14. Разныя сообщенія. 15. Школа. 16. Судъ. 17. Сельское хозяйство. 18. Торговля и промышленность. 19. Письма читателей.)

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 6 р., на полгода 3 р. Съ 15 Февраля будутъ печататься: Лѣтопись Войны—Политика Державъ—Подъ грозой.

Подписка принимается въ обѣихъ столицахъ и другихъ городахъ—въ книжн. магаз. Суворина, Карбасникова, Тузова и др.; иногородніе читатели могутъ пересылать подписную плату непосредственно въ Редакцію (Москва, Старая Васманная, д. Пріятелевой, кв. № 4, Н. И. Герасимову).

Газета „МОСКВА“ является продолженіемъ литературно-политическ. сб. „РУСЬ“ и „МОСКВА“ и русскаго отдѣла перваго вып. русск.-слав. сборн. „ЗАРЯ“ (см. обь этихъ книгахъ сочувственные отзывы: за 1903 г.—„Церковныя Вѣдомости“ № 10, „Русскій Вѣстникъ“ №№ 4 и 6, „Извѣстія Славянскаго Общества“ № 7, „Московскія Вѣдомости“ № 141, „Харьковскія Вѣдомости“ и др.; за 1902 г.—„Церковныя Вѣдомости“ № 28, „Свѣтъ“ № 69, „Русскій Вѣстникъ“, „Мирный Трудъ“ № 3, Московскія Вѣдомости“ № 174, „Развѣдчикъ“, „Варшавскій Дневникъ“ № 133 и др.).

Пробн. ном. высылается по требованію бесплатно.

Редакторъ-издатель *Н. Герасимовъ.*

СОДЕРЖАНІЕ: Творчество въ воспитаніи. (Къ вопросу о школьныхъ братствахъ). *Димитрія Введенскаго.*—Новый опытъ въ старомъ дѣлѣ. (Изъ исторіи одного школьнаго братства). *А. Уварова.*—Изъ учительскихъ дневниковъ. Два крестьянина. *Учителя Стефана Козубовскаго.*—Листки изъ дневника учителя-крестьянина. *Учит. Е. Куликова.*—Учительница. Стих. *Свящ. А. Державина.*—Посѣвы и всходы. (Изъ жизни церковно-приходскихъ школъ.)—Изъ періодической печати. Памятныя наставленія Архипастыря. *Свящ. Алексѣя Борисова.*—Библиографія. *Д. Введенскаго.*—Нашъ дневникъ.—Нашимъ читателямъ. *Ред. А. Нікона.*—Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЕ: „Зернышки Божіей Нивы“, книжка 15-я (пять статей).

Редакторъ Архимандритъ **НИКОНЪ.**

Печатать дозволяется. Визанія. Февраля 20 дня, 1904 года. Цензоръ, Ректоръ Визанской Духовной Семинаріи, Протоіерей *А. Бгльевъ.*

Типографія Свято-Троицкой Сергіевой Лавры.

Цѣна отдѣльному №—10 коп.

Подписная
цѣна на
журналь 1 р.
съ перес.; вы-
ходитъ
ежемѣсяч-
но.

АДРЕСЪ:
Сергіевъ пос-
садъ, Моск.
губ., въ Ре-
дакцію „Бо-
жіей Нивы“.